

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

СОЧИНЕНІЯ
ПЕТРА РОМАНОВИЧА
ФУРМАНА.

IX.

СЫНЪ РЫБАКА
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1893.

СЫНЪ РЫБАКА
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

ПОВѢСТЬ

СОЧИНЕНІЕ
П. ФУРМАНА.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесено въ изданный имъ
Каталогъ Училищныхъ Библіотекъ за № 1194-мъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

—
1893.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1892 г.
Типографія и Фототипія В. И. Штейна. Малая Морская, 20.

Отъ Издателя.

Мокойный авторъ этого разсказа Петръ Романовичъ Фурманъ извѣстенъ въ нашей литературѣ нѣсколькими историческими біографіями, которыя написаны имъ для дѣтей и отличаются своею простотою и живостью.

Это не ученые историческія изслѣдованія, а передача событій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ какой-либо извѣстный дѣятель. Авторъ имѣлъ въ виду преимущественно дѣтей, и желалъ посредствомъ примѣра возбудить въ нихъ добрыя и патрістическія чувства.

Большинство разсказовъ были изданы самимъ авторомъ въ 1848 г. и вскорѣ распроданы; затѣмъ кромѣ двухъ изъ нихъ не появлялись въ печати въ теченіи 40 лѣтъ и почти забыты. Мысль издателя вывести изъ забвенія эти сочиненія встрѣчена Учеными Комитетами, критикомъ и публикою очень сочувственно.

Выбранныя лучшія и одобренныя сочиненія П. С. Фурмана отпечатаны подъ общимъ названіемъ

Историческая Библіотека въ 10 томикахъ.

Съ приложеніемъ 105 портретовъ, видовъ и проч. рисунковъ копій съ извѣстныхъ гравюръ и картинъ.

Всѣ книжки помѣщены въ изданномъ Министерств. Нар. Просв. нормальномъ каталогѣ подъ названіемъ «Опытъ Каталога Ученическихъ Библіотекъ» среднихъ учебныхъ заведеній книгъ за №№ 1187 до 1194 и въ каталогѣ одобренныхъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ. Департаментъ Министерства Народ. Просв. отношеніями отъ 19 Ноября 1886 г. за № 16.941, 27 Іюня 1889 г. № 11.128, 27 Ноября 1890 г. и 15 Октября 1891 г. № 17.507 уведомилъ издателя, что особый Отдѣлъ Ученаго Комитета Министерства опредѣляетъ Сочиненія

1. Петръ Романовъ Фурманъ, авторъ разсказовъ.
2. Филаретъ Никитичъ Романовъ.
3. Михаилъ Ѳеодоровичъ — Царь и Самодержецъ Всероссийскій.
4. Царь Алексѣй Михайловичъ.
5. Дарца Наталья Кирилловна въ молодости.
6. " матъ Государя Петра Великаго.
7. Дари: Ѳеодоръ Алексѣевичъ.
8. " Іоаннъ Алексѣевичъ.
9. Царевна Софія Алексѣвна.
10. Петръ I Великій въ молодости
11. Императоръ Петръ Великій.
12. Императрицы: Екатерина I.
13. " Елисавета Петровна.
14. Императоръ Петръ II.
15. Тоже, съ гравюры Вортмана 1729 г.
16. Императрица Анна Іоанновна.
17. Императоръ Петръ III.
18. Императрица Екатерина II, съ гравюры Валькера.
19. " съ порт. Дикинсона.
20. Императоръ Павелъ Петровичъ.
21. Великіе князья Александръ в Константиинъ Павловичи.
22. Императоръ Александръ I Благословенный.
23. Императоръ Людовикъ XIV.
24. " Наполеонъ I Бонапартъ.
25. Волярий Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ молодости.
26. Тоже, старинная гравюра Розанова.
27. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ.
28. " Александръ Даниловичъ Меншиновъ.
29. Княжна М. А. Меншинова.
30. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ.
31. Князь Иванъ Алексѣвичъ Долгоруковъ.
32. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова.
33. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, Арапъ Петра Великаго.
34. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. Съ гравюры Валькера.
35. " Тоже, во весь ростъ. Съ гравюра Харитоновъ.
36. " Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымнинскій.
37. " Петръ Ивановичъ Багрятіонъ-Имеретинскій.
38. " М. Платовъ.
39. " Михаилъ Богдановичъ Барилла-де-Толли.
40. " Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.
41. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.
42. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

43. Графы Леонтий Леонтьевич Беннигсен.
44. " Петрь Петровичь Коновальчъ.
45. " Федоръ Васильевичъ Ростокинъ, губернаторъ города Москвы въ 1812 г.
46. Александръ Александровичъ Бибиковъ, начальникъ С.-Пет. ополченія въ 1812 г.

Виды и проч. рисунки.

47. Видъ города Амстердама въ XVIII столѣтїи. Съ старинной голландской гравюры.
48. Видъ города Саардама въ началѣ прошлаго столѣтїя, съ гравюры Радига того времени.
49. Видъ старой верфи Остъ-индской Компанїи въ (Голландїи), на которой разбавлялъ Петръ Великій въ 1697 году. Съ голландской гравюры Шенка прошлаго столѣтїя.
50. Видъ города Березова въ XVIII столѣтїи.
51. „ города Смоленскя въ концѣ XVIII столѣтїя, съ гравюры Химмеля.
52. „ Очанова и ирбнсты въ концѣ XVIII стол., съ гравюры Вольсона.
53. „ города и порта Николаевъ въ концѣ XVIII столѣтїи.
54. Островной, вѣншїи князя Потемкина на Невѣ близъ Петербурга.
55. Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовскѣ.
56. Деревня Денисовна Арх. губ.
57. Спасо-Преображенскій соборъ и Греческїй монастырь въ Колмогоровѣ.
58. Мисковская улица въ XVIII столѣтїи.
59. Церковь Св. Николая, что въ Столпахъ въ Москвѣ.
60. Соборъ въ Березовѣ.
61. Видъ города Нарвы.
62. Нарва — Иванъ-Городъ.
63. „ Бирна.
64. „ Нѣмецкая церковь.
65. „ Магистратъ.
66. „ Финская церковь.
67. „ Городская башня.
68. Нарва — Никольская церковь.
69. „ Преображенскій соборъ.
70. „ Знаменская церковь.
71. „ Училище.
72. „ Дворецъ Петра Великаго.
73. „ Юалскїй водопадъ.
74. Сожженіе разрядныхъ книгъ при Царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ 18 Января 1682 г.
75. Стрѣльцы при царевнѣ Софіи. — Смерть боярина Мятлева.
76. Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ, съ гравюры Сивистунова.
77. „ въ голландскомъ мажорскомъ платьѣ, съ гравюры Маркуса.
78. „ работающій на корабельной верфи въ Саардамѣ.
79. Домикъ, въ которомъ Петръ Великій жилъ въ Саардамѣ.
80. Внутренность дома, гдѣ жилъ Петръ Великій въ Саардамѣ, съ гравюры Смолтера.
81. Петръ Великій и Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ, съ картинъ Ге.
82. „ спасающіе утопающихъ на Лахтѣ.
83. Домъ князя Меншикова въ Петербургѣ въ XVIII столѣтїи.
84. А. Д. Меншиковъ въ Березовѣ.
85. Циръ у князя Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ.
86. Вычшїи дворцы Г. А. Потемкина въ Екатеринославѣ.
87. Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. Съ гравюры Скородинова.
88. А. В. Суворовъ на С.-Готардѣ въ Швейцарїи 13 Сентября 1799 г.
89. Побѣда при Фокшаннахъ. — Встрѣча Суворова съ принцемъ Кобургскимъ.
90. Слѣза Суворову Красавскаго вѣнка. — Извѣщенїе Конфедератами покорившѣ въ 1779 г., съ гравюры прошлаго столѣтїя.
91. Императрица Екатерина II и Шуваловъ у Ломоносова.
92. Пожаръ Москвы въ 1812 г. Дома: Пашкина и Меншикова послѣ пожара.
93. Старшїй старшїй памятникъ боярина А. С. Мятлева — разобранъ въ 1830 г.
94. Памятникъ боярина А. С. Мятлева при церкви Св. Николая въ Москвѣ поставленъ въ 1821 г.
95. Внутренность гробницы боярина Мятлева.
96. Могила влигшїи Д. М. Меншиновой.
97. Памятникъ Г. А. Потемкину-Таврическому въ Херсонѣ.
98. „ близъ Ясса на мѣстѣ кончины Потемкина.
99. „ А. В. Суворову-Рыминскому, на прежнемъ его мѣстѣ въ С.-Петербурѣ.
100. „ М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ.
101. „ на мѣстѣ изби въ Филыжѣ, подѣ Москвою, гдѣ жилъ Кутузовъ въ 1812 г.
102. Формы обмундированїя: Стрѣльцы начальники.
103. „ рядовые.
104. „ въ Екатерининское время. Гвардейскіе офицеры.
105. „ солдаты

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отъ издателя	5
Портреты и рисунки	13
Глава I. Домъ родительскій	15
» II. Сѣверное сіяніе	33
» III. Москва	45
» IV. Училище	63
» V. За границей	73
» VI. Солдаты	87
» VII. Слава	101
» VIII. Труды	109

Изъ сочиненій Ломоносова:

Ода. Преложеніе псалма 14	16
Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ	34
Ода, выбранная изъ Іова	46
Ода. Преложеніе псалма 26	88
Ода Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II	102

Портреты и рисунки.

ПОРТРЕТЫ:

Михаила Васильевича Ломоносова.

Императрицы Анны Иоанновны.

» Екатерины II.

Рисунки:

Деревня Денисовка.

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій соборъ въ Холмогорахъ.

Императрица Екатерина II у Ломоносова.

Памятникъ М. В. Ломоносову въ Архангельскѣ.

I.

ДОМЪ РОДИТЕЛЬСКІЙ.

О Д А.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 14.

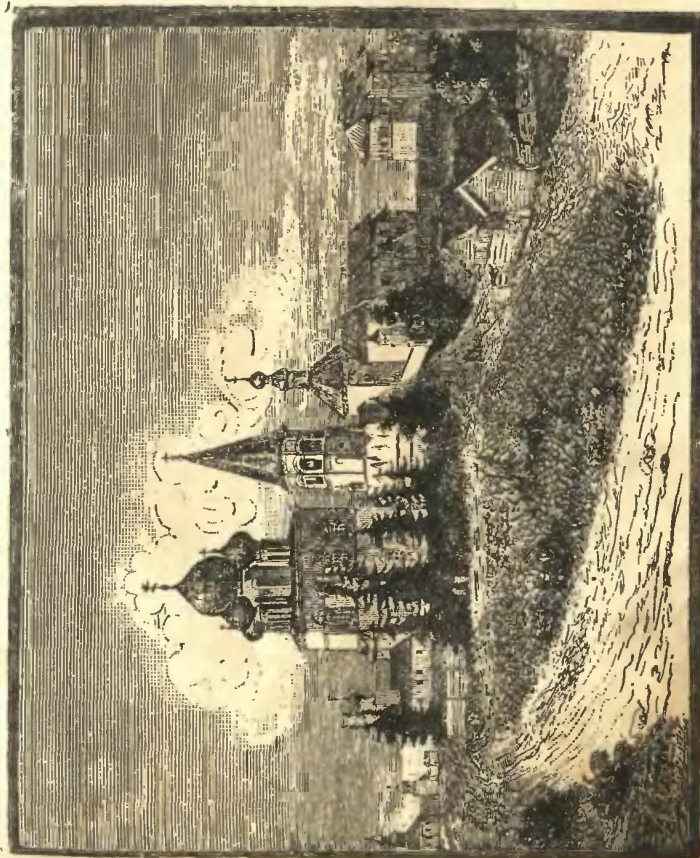
Господи! Кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

Кто устами льститъ не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать серебро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто на свѣтѣ такъ жить тѣтитъ,
Тотъ во вѣки не падетъ.

Спассо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.
Фурманъ.

СЫНЪ РЫБАКА МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

I.

Домъ родительскій.

Въ Архангельской губерніи есть городъ Холмогоры. Не въ дальнемъ разстояніи отъ него лежитъ *Куростровская волость*.

Около 1711 года, у одной изъ красивѣйшихъ избъ этой волости сидѣлъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ. Онъ съ любовью смотрѣлъ на ребенка, котораго покачивалъ на колѣняхъ своихъ; и точно, ребенокъ былъ красавчикъ; темно-русые волосы кудрились вокругъ бѣленькаго, румянаго и полного личика; каріе глаза его сверкали понятливостью и умомъ.

За избой, на самомъ берегу Сѣверной Двины, были развѣшены для просушки сѣти; двѣ опрокинутыя лодки, или *чайки*, какъ ихъ

называютъ тамошніе рыбаки, лежали на чистомъ пескѣ; мерѣжи и сѣти различныхъ видовъ и размѣровъ были разставлены въ порядкѣ. По этимъ подробностямъ легко можно догадаться, что хозяинъ этой избы занимался рыбной ловлей.

Изъ окна, подъ которымъ сидѣлъ рыбакъ, глядѣла на него съ улыбкой крестьянка, красивой и чрезвычайно пріятной наружности.

— Смотри, хозяйка, сказалъ рыбакъ женѣ своей, поднявъ ребенка, который протягивалъ пухленькія ручонки къ матери: смотри, какой у насъ Миша будетъ молодецъ!

Мать молча обняла и поцѣловала малютку.

— Онъ будетъ славный рыбакъ! продолжалъ отецъ:—я его съ-молоду приучу къ волнамъ и вѣтру; съ-молоду приучу его править парусами или весломъ; повѣрь, жена, онъ будетъ у насъ первый рыбакъ во всей волости!

— Кто знаетъ, Василиій! отвѣчала жена, вздохнувъ:—мы всѣ подъ Богомъ! Къ чему его Господь поведетъ, тѣмъ ему и быть.

— Да чѣмъ же ему и быть, какъ не рыбакомъ? Я самъ, отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ, всѣ были рыбаки, и—слава тебѣ Господи!—

нужды не знали; да и не знаемъ, сказалъ Василиій.

— Оно такъ, возразила жена: да все-таки, это ремесло невѣрное...

— Полно, жена!

— Послушай, Василиій, ласково сказала ему жена: пусть будетъ нашъ Миша и рыбакомъ, да почету ему большаго никогда не будетъ, если мы его ничему не научимъ... Надо его выучить грамотѣ...

— Что же, ему дѣячкомъ что-ли быть?

— Не то ты говоришь, Василиій; вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, ты самъ: мужикъ умный, работающій, зажиточный, а вѣдь не выбрали же тебя ни въ старосты, ни въ сотскіе; а все потому, что грамотѣ не знаешь.

— Больше почету, больше хлопотъ! отвѣчалъ Василиій: ну, да ужъ ладно, вы, бабы, только за почетомъ гонитесь; вамъ хоть нечего ѣсть, да была бы честь... грамотѣ-то мы выучимъ Мишу, однако все-таки онъ будетъ рыбакомъ!

И съ послѣдними словами, которыя Василиій произнесъ твердо, онъ всталъ, передалъ сына женѣ и отправился осматривать сѣти.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ распола-

гаеть... Твердо было намѣреніе Василя, но онъ забывалъ, что есть высшая воля, премудрая и обширная, управляющая не только всѣмъ міромъ вообще, но и судьбою каждой былинки этого міра!...

Время течетъ скоро, годы идутъ за годами. Миша не обманулъ надеждъ отца—онъ росъ молодцомъ и умницей. Когда ему минуло семь лѣтъ, Василій, отецъ его, пошелъ къ дячку съ поклономъ, и попросилъ взять Мишу въ науку для обученія грамотѣ.

Прошло еще три года, и Мишѣ болѣе нечему было учиться у дячка; ученикъ былъ также ученъ, какъ и учитель.

Около того времени, у избы Василя была особенная суматоха. Жена его укладывала въ корзину разную провизию. Батраки, т. е. работники, спускали лодки на воду, укладывали сѣти; самъ Василій ходилъ отъ одного къ другому, поощряя всѣхъ словомъ и дѣломъ.

Рыбаки собирались на промыслъ.

Когда все было приготовлено, Василій отыскалъ Мишу, который сидѣлъ въ углу и въ десятый, быть-можетъ, разъ перечитывалъ старинную славянскую, церковную книгу.

Рыбакъ взялъ сына за руку, подвелъ его къ женѣ и сказалъ:

— Ну, жена, благослови-ка Мишу, онъ подросъ, и теперь, кажись, ему пора въ работу.

— Куда его въ работу, отвѣчала мать, нѣсколько встревоженная: вѣдь онъ еще слишкомъ молодъ; дай срокъ—подростетъ, тогда съ Богомъ! Ее тревожила мысль объ опасностяхъ, которымъ любезный ея Мишенька будетъ подвергаться.

— Что за молодъ? возразилъ отецъ: вѣдь ему минуло уже десять лѣтъ; нѣтъ! какъ хочешь, жена, а ему пора за работу, а то, что онъ безъ дѣла шатается...

— Не грѣхъ ли тебѣ это говорить? Сидитъ ли нашъ Миша безъ дѣла? Развѣ не выучился онъ грамотѣ у приходскаго дячка, такъ что читаетъ теперь лучше учителя своего? Вѣдь онъ почти наизусть знаетъ всѣ книги, которыя ему попадались въ руки...

— Да какой прокъ въ книгахъ? отвѣчалъ, нѣсколько разсердившись, Василій: — выучился по складамъ разбирать, писать да считать, и слава Богу! будетъ съ него! Къ чему ему вся премудрость? Я уже тебѣ не

разъ говорилъ, что ему не дьячкомъ же быть! Помоему бы поменьше читаль, да принялся бы за дѣло... Какъ хочешь, жена, а мы ѣдемъ теперь на промыслъ къ Бѣлому морю, и я возьму Мишу съ собой, а не то, пожалуй, онъ совсѣмъ избалуется безъ дѣла!

— Помилуй, кормилецъ, вскричала испуганная мать: ты возьмешь его съ собой къ Бѣлому морю? Какъ же это можно тащить въ такую даль ребенка... да онъ, бѣдняжка, и не снесетъ, захвораетъ... Родимый ты мой, вѣдь Мишенька у насъ одинъ сынъ, а ты уморить его хочешь!

— Полно, жена, Миша у насъ, слава Богу, силенъ и здоровъ; что ему сдѣлается? При томъ же, надо когда-нибудь начать, такъ лучше рано, нежели поздно!

Жена хотѣла еще что-то сказать, но Василій былъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и, не давъ ей выговорить слова, проговорилъ:

— Онъ поѣдетъ, и дѣло съ концомъ!

Бѣдная мать знала, что когда мужъ ея что-нибудь захочетъ, то ужъ не собьешь его, а потому замолчала и со слезами на глазахъ смотрѣла на Мишу.

Наконецъ настала минута разлуки... крѣп-

ко обнимала мать любезнаго сынка своего... ей казалось, что она никогда болѣе съ нимъ не увидится... мальчикъ утѣшалъ ее...

— Не плачь, родимая, говорилъ онъ, утирая слезы матерей: я вѣдь не долго буду; мы съ тятей много-много рыбы наловимъ... привеземъ къ тебѣ, и ты сваришь намъ уху! А вѣдь ты на это мастерица!... Ну, полно же плакать!

А мать все крѣпче и крѣпче прижимала его къ сердцу своему, потомъ благословила, сотворила надъ нимъ молитву, еще разъ поцѣловала и посадила въ лодку...

Рыбаки отплыли...

Долго стояла опечаленная мать на берегу и, смотря вслѣдъ за отплывавшими, горько плакала... Быстро летѣла лодка на широкихъ парусахъ, оставляя по себѣ полосу, медленно сглаживавшуюся... бѣлый парусъ виднѣлся еще вдали, но и тотъ вскорѣ исчезъ...

Только тогда мать Миши воротилась домой...

Лодка быстро неслась. Василій самъ правилъ парусомъ. Миша сидѣлъ задумчивъ на одномъ краю лодки — онъ думалъ о матери, съ которою только-что расстался. Наконецъ

Василій прервалъ молчаніе и, обратившись къ сыну, сказалъ:

— Что загрустился, Миша? Полно, вѣдь мы ѣдемъ только на недѣлку, много на двѣ; такъ чего-жъ тутъ?... Будь же повеселѣй, а то, право, смотришь такой бабой!

Миша поднялъ голову, улыбнулся отцу и тогда только сталъ осматриваться. Прежде всего взоръ его обратился въ ту сторону, откуда они уѣхали; онъ надѣялся еще увидѣть мать свою... но нѣтъ! Земля исчезла уже у нихъ изъ виду, только вдали виднѣлась синяя полоса...

— Ахъ, тятя! вскричалъ наконецъ Миша какъ бы невольно: ахъ, какъ прекрасно!

— Что прекрасно? спросилъ отецъ.

— А вотъ облака вокругъ заходящаго солнышка! Экъ горитъ, глядѣть больно! Посмотри, вонъ то облачко какое сизенькое, тамъ другое красненькое, а вотъ поближе къ солнцу, тамъ словно жаръ горитъ!

— Эка невидаль какая! сказалъ одинъ изъ батраковъ: да гдѣ же ты тутъ видишь сизенькое да красненькое? Помоему, такъ книзу все желто, а кверху синѣ!

Миша, нахмутивъ брови, посмотрѣлъ на него; но неудовольствіе его было непродол-

жительно, красота природы вскорѣ опять овладѣла всѣмъ вниманіемъ его.

— А тутъ—гляди, гляди, тятя! какими яркими, свѣтлыми звѣздочками отсвѣчивается въ волнахъ ясное солнышко... Ахъ! какъ все это прекрасно Господомъ создано!...

— Вишь, сказалъ, смѣясь, отецъ: тотчасъ видно, что разныхъ книжекъ начитался; вѣстимо, что все хорошо создано; да чего же ты ротъ разинулъ, будто въ первый разъ все это видишь? Чего ты безпрестанно: ахъ да ахъ!

Хотя Михайло былъ еще очень молодъ, но Господь даровалъ ему особенный умъ; ему самимъ Небомъ была уже назначена дорога, по которой онъ долженъ былъ идти, а потому ему больно было слышать слова отца. Онъ радовался отъ души, потому-что душа его создана была къ тому, чтобы понимать и любить все прекрасное въ природѣ, а отецъ, родной отецъ его, говорилъ, что онъ книжекъ начитался! Онъ восхищался величіемъ Всевышняго, проявлявшимся въ дѣяніяхъ Его, а его не понимали, надъ нимъ даже смѣялись! Это оскорбило Мишу, и онъ рѣшилъ любоваться природой молча, чтобы не слышать грубыхъ замѣчаній.

Но тогда насмѣшки удвоились. Работники отца его никакъ не могли постигнуть, зачѣмъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ засматривался на небо, на воду, или любовался деревомъ, кустарникомъ, даже листочкомъ. Если бы Василій зналъ, какъ горьки были Мишѣ эти насмѣшки, то, вѣрно, запретилъ бы ихъ.

Рыбаки наши послѣ нѣсколькихъ дней довольно успѣшной рыбной ловли остановились переночевать на маленькомъ островкѣ, потому-что Василій, какъ человекъ опытный и бывалый, предсказывалъ сильную бурю. Въ недалекомъ разстояніи отъ берега, подъ защитой частаго кустарника, былъ раскинутъ шалашъ: тамъ рыбаки наши развели огонь, поужинали и улеглись спать.

Не смотря на всѣ признаки приближавшейся бури, здоровые и усталые работники вскорѣ захрапѣли... одинъ Миша не могъ уснуть...

Онъ слышалъ вой вѣтра, слышалъ далекіе раскаты грома; сердце его сжималось невольнымъ страхомъ, но, не смотря на то, онъ не могъ преодолѣть желанія поближе посмотреть на картину страшной бури. Онъ не вытер-

пѣлъ, потихоньку всталъ и вышелъ на чистый воздухъ...

Невозможно описать, чтѣ чувствовалъ Миша, когда взглянулъ на море, по которому пѣнились громадныя волны, которыя, далеко набѣжавъ на берегъ, разстилались широкою, черною пеленою или, ударяясь о камни береговые, рассыпались въ мелкія брызги!... Какъ радовался онъ, когда вдругъ свѣтлая молнія, вылетавшая изъ черныхъ тучъ, на минуту освѣщала море... ему пріятны были свистъ, вой вѣтра и страшные раскаты грома!... Во всемъ этомъ ему видѣлось и слышалось что-то особенное, необыкновенное, чего онъ своимъ необразованнымъ умомъ не понималъ, но чтѣ чувствовалъ всею душою...

Невольно преклонилъ онъ колѣна предъ величіемъ и всемогуществомъ Того, Кому и молнія и громъ повиновались... и сотворилъ тихую молитву!

Таковъ былъ десятилѣтній Михаилъ Ломосовъ—сынъ простаго рыбака!

Наловивъ множество всякой рыбы, Василій сталъ думать о возвращеніи домой. Михайло былъ внѣ себя отъ радости, при мысли о свиданіи съ любимой матерью; онъ впервые

разлучился съ нею, и двѣ недѣли разлуки казались ему вѣчностью... но увы! радость его была непродолжительна... дома ожидало его горе и тоска... онъ засталъ добрую мать свою въ сильной горячкѣ!

Во-первыхъ, большая помощь и не могла быть подана больной; а во-вторыхъ, состояніе ея было такъ опасно, что никакая человѣческая сила не могла уже спасти ее!...

Прошло девять тяжкихъ, горестныхъ дней. На десятый больная простилась съ мужемъ, благословила милаго сына, и душа ея отлетѣла въ другой, лучшій міръ!

Михайло былъ неутѣшенъ.

Онъ просиживалъ цѣлые дни на могилѣ родимой, украшенной простымъ чернымъ деревяннымъ крестомъ съ бѣлою надписью; тамъ онъ горько плакалъ, забывая обѣдъ, ужинъ, даже любимыя книги свои. Наконецъ Василій, также крѣпко горевавшій о потерѣ жены, замѣтивъ, что Миша худѣетъ и хвораетъ, запретилъ ему ходить на могилу.

Михайло, какъ добрый сынъ, повиновался, но, чтобы разсѣяться, ревностнѣе принялся за ученіе, которое состояло въ томъ, что онъ безпрестанно перечитывалъ церковныя

книги. Отецъ только пожималъ плечами; но такъ какъ послѣ смерти жены онъ еще крѣпче полюбилъ Мишу, то ему трудно было отнять отъ него книги.

Однажды, одинъ богатый холмогорскій житель, Христофоръ Дудинъ, случайно проходя мимо избы Василія, замѣтилъ Мишу, прилежно перебиравшаго книгу. Такъ какъ умѣнье читать считалось въ то время большою рѣдкостью, то Дудинъ подошелъ къ мальчику, заставилъ его прочесть нѣсколько строкъ, и услышавъ, какъ Миша бойко прочелъ указанное, съ изумленіемъ погладилъ его по головѣ.

— Ай да молодецъ! сказалъ Дудинъ: продолжай, голубчикъ, читай больше, и умъ твой просвѣтится!

— Ахъ, отвѣчалъ Миша, и радъ бы читать, да нечего!

— Постой же, коли въ тебѣ такое желаніе, то завтра я пришлю тебѣ въ подарокъ пару книжонокъ. У меня ихъ много!

Миша такъ обрадовался, что чуть не бросился въ ноги благодѣтелю своему. Во всю слѣдующую ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ: ему все мерещились новыя книги, которыя

общалъ ему Дудинъ. Наступило утро; Миша ждетъ-не-дождется книгъ но—о радость!— вотъ явился посланный Дудина.

— Гдѣ Михайло Ломоносовъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ мальчикъ,—и чуть не бросился на посланнаго, у котораго подъ мышкой было что-то завернутое въ бумагу.

— Вотъ тебѣ. книги отъ Христофора Игнатьевича Дудина...

Какъ дрожали руки Миши, когда онъ развѣтывалъ бумагу!... но вотъ передъ нимъ открылись двѣ тощія книжонки, напечатанныя некрасивыми буквами на сѣрой, толстой грубой бумагѣ; наружность этихъ книжекъ была такова, что въ нынѣшнее время отбила бы у всякаго охоту не только прочесть, но и взять ихъ въ руки. Несмотря на то, онѣ показались Мишѣ роскошнѣйшимъ изданіемъ!

Дрожащими отъ радости руками онъ раскрылъ книги—одна изъ нихъ была грамматика, другая ариѣметика.

Съ удивительнымъ прилежаніемъ принялся Михайло за ученіе этихъ двухъ наукъ, казавшихся ему верхомъ познаній человѣческихъ; но чѣмъ болѣе онъ учился и читалъ, чѣмъ болѣе обдумывалъ прочитанное, чѣмъ

болѣе развивался природный умъ его, тѣмъ неудовлетворительнѣе были для него краткія и весьма плохія объясненія, находившіяся въ этихъ книгахъ, и страсть его къ ученію со дня на день возрастала. Въ предисловіи къ грамматикѣ и въ самомъ объясненіи правилъ ея Михайло встрѣчалъ частыя ссылки на латинскій языкъ. Онъ никогда не слыхивалъ объ этомъ языкѣ, а потому при первомъ случаѣ попросилъ объясненій у бывшаго учителя своего, дьячка.

— Латинскій языкъ, сирѣчь латынь,—толковалъ дьячокъ:— есть такой языкъ, которымъ, во время оно, говорилъ народъ, прозывавшійся Римлянами. Теперь же говорятъ симъ нарѣчіемъ единые ученые люди, и всякія книги на ономъ языкѣ есть.

— Всякія книги? спросилъ Михайло.

— Всякія, и все хорошія, отвѣчалъ съ важностью дьячокъ.

— А вы, Сидоръ Панкратычъ, знаете говорить по-латыни?

— Маленько зналъ, да и то позабылъ.

— А трудно ему выучиться? спросилъ опять Миша.

— Великихъ затрудненій стоитъ. Притомъ

же оному нарѣчію обучаютъ только въ Москвѣ бѣлокаменной, Кіевѣ святомѣ, да въ Питербурхѣ нѣмецкомѣ!

— А трудно туда попастьъ съ грустью произнесъ Миша.

— Далеко кулику до Петрова-дни, замѣтилъ очень неутѣшительно Сидоръ Панкратычъ.

Императрица Анна Іоанновна.

II.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ!
Теряюсь мыслями утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множества свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, Натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мечутъ огонь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день ступилъ!

.....

II.

Сѣверное сіяніе.

Михаилу минуло пятнадцать лѣтъ. Ни время, ни занятія, ни что не могло заглушить въ немъ двухъ мыслей, вполнѣ овладѣвшихъ имъ. Мысли эти были: Москва и латинскій языкъ! Ему опротивѣло ремесло рыбака... онъ былъ рожденъ не для тѣлеснаго, а для умственнаго труда, слѣдовательно, въ кругу своихъ, между рыбаками, онъ жилъ какъ бы въ пустынѣ... никто не понималъ, никто не могъ понять его, а потому онъ прослылъ между своими большимъ лѣнтяемъ.

Грустно было бѣдняку, но ему стало еще грустнѣе, онъ сдѣлался еще несчастнѣе, когда узналъ, что отецъ намѣренъ опять жениться, и что выбралъ уже себѣ въ жены дѣвушку, которая по всей деревнѣ слыла глупою, злою и бранчивою.

Василій женился. Горько было Мишѣ на-

зывать матерью другую женщину послѣ той, которая дала ему жизнь, и которая такъ нѣжно любила его; но онъ долженъ былъ покориться, изъ уваженія къ отцу.

Первый годъ женитьбы Василія прошелъ довольно спокойно, но на второй жена взяла надъ нимъ такую власть, что онъ сдѣлался почти рабомъ ея. Но еще болѣе и чаще нападала она на бѣднаго Мишу.

— Чтò ты смотришь сквозь пальцы на этого большого болвана, говорила она Василію: смотри, какъ онъ выросъ, а все за книжками сидитъ, да листы перевертываетъ, да время понапрасну убиваетъ! Кабы онъ поменьше за азами сидѣлъ, да занялся бы дѣломъ, такъ тебѣ легче было-бъ; кто жъ тебѣ и помощникъ, какъ не родной сынъ!

— Она вѣдь правду говоритъ, — говорила отецъ Михайлу: — чтò ты все за книгами сидишь? вѣдь это просто бездѣлье; брось ихъ, голубчикъ...

— Ну ужъ глупъ ты, Василій, сердито кричала жена: спрашиваетъ еще! А по-моему, такъ поколотилъ бы его, да книги въ огонь побросалъ!

Михайло невольно схватилъ драгоценныя книги свои и крѣпко прижалъ ихъ къ себѣ.

Мачиха ворча ушла изъ избы. Василій молчалъ.

Чѣмъ болѣе страдалъ Михайло отъ бранчивой, сердитой мачихи, тѣмъ драгоценнѣе были для него тѣ минуты, когда онъ оставался одинъ съ любезными книгами своими, тѣмъ болѣе усиливалось желаніе его учиться. Давно уже собирался онъ просить отца, чтобы отпустилъ его въ Москву, но не рѣшался... Теперь же минута казалась ему удобною... онъ былъ одинъ съ отцомъ...

Опустивъ голову, Михайло тихо подошелъ къ отцу, всталъ передъ нимъ на колѣни, поклонился въ ноги, и дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Родимый! Выслушай прошеніе мое, а потомъ рѣши, быть мнѣ счастливымъ или нѣтъ?...

— Что ты, Миша? не провинился ли въ чемъ? спросилъ съ безпокойствомъ отецъ.

— Можетъ и провинился, что задумалъ такую вещь... но чтò дѣлать? Надо же наконецъ сказать тебѣ всю правду...

— Что-жъ тебѣ надобно?

— Батюшка, благослови, да отпусти въ Москву на ученье!... произнесъ Михайло съ усиліемъ.

— Что ты! вскричалъ отецъ, всплеснувъ руками: вишь еще чтò задумалъ!... Въ Москву, и зачѣмъ? На ученье!... Въ такую даль и за дѣломъ пустымъ и ненужнымъ! Поди, поди, Богъ съ тобой! Я и слышать не хочу!

Михайло все еще стоялъ на колѣняхъ передъ отцомъ и, простирая къ нему руки, продолжалъ умоляющимъ голосомъ:

— Родимый, охота пуще неволи! Я буду учиться по днямъ и по ночамъ, пойму мудрость науки и, можетъ-быть, со-временемъ...

— Что со-временемъ? Поймешь мудрость науки, а чтò въ томъ проку? Полно вздоръ молоть, Мишка, не въ свои сани не садись! Ступай-ка лучше чинить сѣти; весной мы опять поѣдемъ на нацъ промыслъ, который вѣрнѣе и лучше всякихъ книжныхъ наукъ!

— Воля твоя, батюшка! а мнѣ опротивѣлъ твой промыслъ, и только ученіе...

— Негодный! вскричалъ съ гнѣвомъ, вскочивъ, отецъ: ты смѣешь говорить, что мой промыслъ тебѣ опротивѣлъ? Промыслъ, съ помощію котораго я нажилъ себѣ, благодаря

Создателю, порядочный кусокъ хлѣба, промыслъ, которымъ занимался дѣдъ и прадѣдъ твой! А ты, мальчишка, молокосось, смѣешь говорить, что онъ тебѣ опротивѣлъ! Да какъ у тебя языкъ повернулся, чтобы это вымолвить!... А все глупыя книжки виноваты; я-жъ ихъ приберу къ рукамъ; смотри, выкинь дурь изъ головы и примись за дѣло, а не то вѣдь и въ самомъ-дѣлѣ... Тутъ онъ погрозилъ ему кулакомъ.

Чтò оставалось бѣдному Михайлу? Молчать и страдать! Противъ воли и власти отца идти нельзя. Ручьями полились слезы изъ глазъ его, тяжелая грусть-тоска запала въ сердце, пропала вся надежда!... Въ избѣ бѣдному Михайлу стало душно, онъ вышелъ на чистый воздухъ.

Морозъ былъ сильный. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами молодого крестьянина, который, не чувствуя холода и на минуту забывъ горе свое, смотрѣлъ, какъ серебряная луна бросала по бѣлому снѣгу нѣжный свѣтъ... онъ любовался легонькими облачками, которыя то перерѣзывали, то совсѣмъ закрывали луну... бѣлая степь простиралась въ безконечность, сливаясь съ темно-синимъ сводомъ небеснымъ...

Долго и въ задумчивости смотрѣлъ Михайло на дивную картину сѣверной, зимней природы... вдругъ на горизонтѣ появилась слабая полоса свѣта, которая быстро распространялась по темному своду, становясь на горизонтѣ все ярче и свѣтлѣе... вскорѣ свѣтъ огромнымъ полукружіемъ обхватилъ всю сѣверную часть неба... померкли блѣдныя звѣзды въ мрачной и холодной безднѣ неба... потускнѣла даже луна... вся природа покрылась яркимъ розовымъ свѣтомъ...

Это было сѣверное сіяніе!

Молча и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ Михайло на это чудо сѣвера. Все вокругъ него было тихо... и только когда яркіе лучи свѣта стали мало-по-малу блѣднѣть и наконецъ совсѣмъ угасли, онъ вспомнилъ о томъ, что дома его, можетъ быть, опять ждутъ выговоры и брань... Тихими шагами и задумчиво пошелъ онъ домой.

Воротившись въ избу, онъ увидѣлъ, что отецъ и мачиха его уже отъужинали. Василій сердито посмотрѣлъ на сына, а по лицу мачихи видно было, что въ отсутствіи Михайлы она успѣла многое наговорить на него.

— Гдѣ ты опять шатался? сердито спросилъ Василій.

— Изволить прогуливаться! подхватила мачиха: вишь баринъ какой! мало ему стало бродить цѣлый день, такъ онъ и ночью нивѣсть гдѣ таскается; домой приходитъ только тогда, когда проголодается, да и то не въ пору!... Ну, Василій, послушайся ты словъ моихъ, проучи лѣнтя, а то отъ него проку не будетъ!... Самъ послѣ наплачешься!

— Полно тебѣ браниться! съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Михайло, выведенный изъ терпѣнія: по твоимъ словамъ, право, подумать можно, что я разбойникъ какой-нибудь!... Ну прозѣваль, такъ не давай мнѣ ѣсть, я и такъ спать пойду!

— Ахъ ты бродяга! вскричала съ гнѣвомъ мачиха, и тяжелой рукою ударила Михайлу по лицу. Еще разговаривать смѣешь!

Кровь бросилась юношѣ въ голову; сердце его сильно забилося, кулаки сжались... но онъ удержался, вспомнивъ, что она жена отца, котораго онъ любилъ и уважалъ.

— Батюшка! произнесъ Михайло тихимъ, дрожащимъ голосомъ, обратившись къ Василію; если я виноватъ, накажи ты меня, но не вели ей безвинно обижать меня.

— Безвинно! вскричала злая баба, и стала

осыпать Михайлу оскорбительнѣйшими ругательствами: — безвинно! дай же я тебѣ еще прибавлю! И сжавъ кулаки, она опять хотѣла броситься на него, но мужъ удержалъ ее. Отцовское сердце заговорило въ немъ.

— Стой, баба! вскричалъ онъ ей строгимъ голосомъ: не тронь! Если Мишка провинился, то мнѣ наказывать его, а не тебѣ... ты ему не родная; а коли онъ невиненъ, такъ мнѣ же слѣдуетъ защищать его—а потому, я приказываю тебѣ не обижать его.

— Ты мнѣ приказываешь! кричала баба, уперевъ кулаки въ бока: — что ты мнѣ за начальникъ? Да я тебя слушаться не стану и изобью этого мальчишку...

— Молчать! вскричалъ Василій громовымъ голосомъ и сильно ударилъ кулакомъ по столу, такъ что неубранная еще посуда запрыгала на немъ.

Мачиха прикусила губы, бросила на Михайлу злобный, ядовитый взглядъ и ушла, проворчавъ:

— Ужъ я тебѣ отплачу! Погоди ты у меня!...

Но не суждено ей было болѣе мучить его...

Всѣ спали, одинъ Михайло не могъ сомкнуть глазъ и горько плакалъ. Онъ вспоминалъ

о родной матери своей. Обиды, причиняемыя ему каждый день мачихой, болѣе и болѣе огорчали его, но тягостнѣе всего была для него мысль, что онъ долженъ будетъ заглушить въ душѣ своей страсть къ ученію, къ познанію чудесъ природы, чтобы продолжать промыслъ отца!...

Онъ былъ близокъ къ отчаянію, когда вдругъ въ голову его запала мысль бѣжать изъ дому родительскаго... Но какъ? Кто укажетъ ему дорогу? Въ состояніи ли онъ идти пѣшкомъ, въ холодную зиму? А гдѣ найти товарищей, которые бы знали дорогу въ Москву?... Тогда Михайло вспомнилъ о московскихъ торговцахъ, пріѣзжавшихъ къ отцу его за покупкой рыбы. Утромъ того дня они уѣхали и не могли еще далеко уйти, такъ что ему возможно было догнать ихъ... но тутъ онъ опять вспомнилъ объ отцѣ... горько было ему оставить его, и оставить какъ преступнику, безъ согласія, безъ его благословенія... только мысль возвратиться со-временемъ съ честью въ домъ родителя, утѣшить старость его успѣхами своими въ наукахъ, помогла ему перенести тяжкую разлуку.

Онъ рѣшился... тихонько слѣзъ съ пола-

тей, босикомъ пробрался къ тому мѣсту, гдѣ спалъ отецъ... Михайло весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ... его бросало то въ жаръ, то въ холодъ... наконецъ, онъ легонько приложился къ рукѣ отца и всталъ какъ бы подѣ благословеніе... усердно помолился иконамъ, предъ которыми въ углу теплилась лампада, и пошелъ къ двери... дрожащею рукою снялъ крючекъ, и хотѣлъ уже переступить за порогъ—какъ вдругъ любимый черный котъ его выскочилъ изъ-за угла и какъ бы хотѣлъ преградить ему дорогу... Михайло погладилъ его, бросилъ послѣдній прощальный взглядъ въ избу, и ступилъ за порогъ... Морозъ былъ сильный, но онъ не чувствовалъ его... онъ весь горѣлъ...

Собаки было залаяли, но, узнавъ Михайлу, притихли, лизали руки его, вертѣлись около него и ласками своими какъ бы упрашивали его воротиться домой... но молодой сынъ рыбака упалъ на колѣни, еще разъ помолился Тому, Кто управляетъ жизнью и всѣми дѣйствіями нашими—и не оглядываясь, побѣжалъ по дорогѣ, по которой уѣхали купцы московскіе!.....

III. МОСКВА.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь и градъ блистая
И гласомъ грома прерывая,
Словами небо колебаль,
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ,
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою!
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величіе вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

.....

III.

Москва.

Холодная зима на Руси, а особенно на самомъ сѣверѣ ея, не диво; но въ 1728 году она была до того жестока, что не рѣдко путешественники отмораживали себѣ лица, бѣдныя птички на лету падали мертвыми, а голодные волки смѣло подходили даже къ жилищамъ, и унылымъ воемъ наводили страхъ на жителей.

Въ одно свѣтлое утро зимы 1728 года, когда солнышко, высоко поднявшееся надъ землею, покрыло нѣжно-желтымъ свѣтомъ поляны и осыпало миллионами алмазовъ и искръ иней, покрывавшій деревья,—по дорогѣ изъ Холмогоръ въ Москву тянулись обозы съ замороженною рыбой. Нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ овчинные тулупы и въ мѣховыхъ рукавицахъ, шли возлѣ обозовъ, припрыгивая, помахивая руками и изрѣдка покрикивая на лошадей, шерсть которыхъ была покрыта инеемъ какъ бы пухомъ.

У послѣдняго воза, возлѣ извозчика шель обозный прикащикъ; они о чемъ-то разговаривали, и почти не замѣтили, какъ къ нимъ приблизился молодой парень, лѣтъ семнадцати, пріятной наружности, высокій, стройный; онъ дрожалъ отъ холода, потому-что былъ одѣтъ совсѣмъ не по-дорожному: на немъ былъ одинъ нагольный тулупъ; на головѣ его была старая шапка; на ногахъ, сверхъ онучь, надѣты коты; онъ не былъ даже опоясанъ. Только когда онъ молча прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ воза, прикащикъ замѣтилъ парня.

— Чтò, братъ, тебѣ надо? спросилъ онъ его.

— Мнѣ? ничего, отвѣчалъ робко молодой человѣкъ.

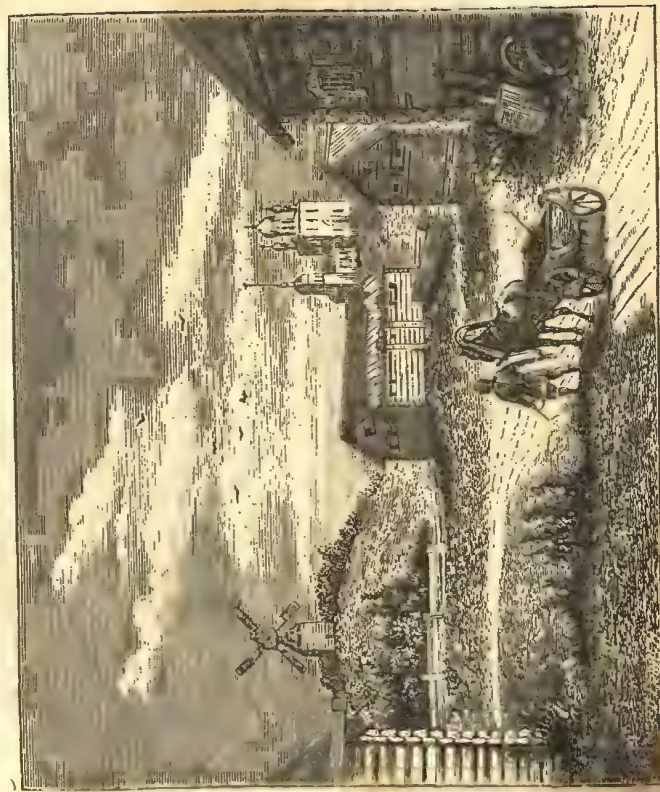
— Какъ ничего! Да куда ты идешь?

— Въ Москву.

— Въ Москву? протяжно и съ изумленіемъ повторилъ прикащикъ, осматривая парня съ ногъ до головы: далеконько, братъ! Притомъ же ты по-лѣтнему одѣтъ. Откуда ты?

— Изъ Холмогоръ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— Мгло ли мы кого знаемъ! А какъ зовутъ отца твоего?

Мѣсто гдѣ находился домъ Домоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.
Фурманъ.

Дозв. издурюю. Спб., 4 Юня 1892 г.

Типографія В. И. Штейна. М. Морская, 20.

— Васильемъ Ломоносовымъ.

— Какъ не знать! Кажись, теперь я и тебя припоминаю; ты помогалъ намъ нагружать рыбу.

Помогалъ.

Ну, вишь ли, у меня память какая. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву, и какъ дойдешь туда?

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать; только позвольте идти съ вами!

Въ своемъ ли ты умѣ! Чтò тебѣ за надобность въ Москвѣ? Отецъ что ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

— Да... такъ... хочется посмотрѣть на бѣлокаменную...

— Эге, братъ! такъ ты, видно, убѣжалъ отъ отца!

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... только не за худымъ дѣломъ...

— Толкуй! Знаемъ мы васъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ. Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя...

— Ваша милость!... не гоните меня! право, я заслужу вамъ.

— Пошелъ ты! Не надо мнѣ твоихъ услугъ— пошелъ!... закричалъ грозно прикащикъ, и хотѣлъ уже поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— А это что у тебя подъ мышкой?

— Это... это я взялъ съ собою...

— Вижу, что ты это взялъ съ собою, а попросту сказать, укралъ!... Ну говори: чтѣ у тебя въ узелкѣ?

— Господинъ купецъ, я не укралъ этого, потому-что это мое добро, подаренное мнѣ добрыми людьми...

— Ахъ ты деревенщина!... Знаемъ мы, какъ васъ дарятъ! Видно изъ отцовскаго сундучка стянулъ!

У молодого парня выступили слезы на глазахъ—не морозъ, а оскорбленіе выжало ихъ. Онъ остановился и, не говоря ни слова, въ недоумѣніи глядѣлъ на прикащика, который продолжалъ:

Ну, не правду-ли я говорилъ, что ты ворюшка? Вишь какъ оторопѣлъ!

— Оторопѣлъ отъ твоихъ словъ, госпо-

динъ купецъ! Я воръ! я стану обкрадывать отца!... Господи, Боже мой!... Съ этими словами онъ зарыдалъ и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— На, посмотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы!

Прикащикъ поднялъ узелокъ, осторожно развернулъ его и съ изумленіемъ вскрикнулъ:

— Что это? Книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.

— Да я и не возьму за нихъ тысячу рублей! Эти книги мнѣ дороже всѣхъ твоихъ обозовъ... Ты смѣешься? Нѣтъ я правду говорю! Видно онѣ милы мнѣ, коли я для нихъ оставилъ отца и родимую сторону!...

— Чудно!... пробормоталъ прикащикъ. Ну, пойдемъ до перваго роздыха, а тамъ увидимъ.

Молодой человѣкъ опять завернулъ книги свои въ узелокъ, и прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ прикащика въ молчаніи. Наконецъ послѣдній заговорилъ снова:

— Теперь я вижу, что обидѣлъ тебя; однако я все-таки не могу понять, зачѣмъ ты идешь въ Москву?

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ, отвѣчалъ онъ: что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ, да ариметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговаривалъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, и началъ поносить всякія науки. Къ бѣдѣ моей прибавилось еще и то, что отъ мачихи покоя не было; я и рѣшился убѣжать, чтобы идти въ Москву учиться.

— Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный, отвѣчалъ съ важностью прикащикъ. Спросилъ бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно: видно такъ Богу угодно!

— Богъ меня не оставитъ!—примолвилъ

юноша съ увѣренностью.—А позвольте спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

— Какъ гдѣ?... у людей... у духовныхъ. Гдѣ же нашему брату еще учиться. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ; что же ты не учился у него?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

— А что же тебѣ еще надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

— Ого, дружище! такъ вотъ ты каковъ гусь!... Взялъ бы тебя да высѣкъ хорошенько, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться?... Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ косолапый, а задумалъ въ ученье!..

— Я думаю, г. купецъ, отвѣчалъ юноша: что ученымъ никто не родится; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

— Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскіе дѣтки да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать государскіе законы, а

другимъ, чтобы говорить проповѣди, да знать, что поють и читають. А тебѣ на что такая ученость?

— Да я не такой учености хочу... молодой человѣкъ не зналъ, какъ выразить свою мысль, хотя въ душѣ и понималъ, о чемъ говорилъ. Онъ поневолѣ остановился на неоконченной рѣчи.

— Ну, что? То-то, брать! зналъ бы ты отцовскій неводъ да счетъ рыбѣ! А деньгу-то можно сосчитать и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня, который, потерявъ всю охоту спорить съ ученымъ сопутникомъ своимъ, молчалъ. Долго шли они въ молчаніи, прерываемомъ только изрѣдка восклицаніями прикащика, въ родѣ слѣдующихъ:

— Экъ подумашь!... Вишь выскочка какой!... Науки захотѣлось!... Э, э, эхъ, эхъ эхъ!

Безъ особыхъ приключеній пріѣхали обозы на мѣсто роздыха. Все оживилось на постояломъ дворѣ, когда извозчики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и принялись за чашку горячихъ щей. Между тѣмъ, молодой парень, удалившись въ уголъ, вы-

нулъ изъ кармана кусокъ сухаго хлѣба и хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— А что жъ ты, родимой, не поѣшь съ нами? Садись-ка благословясь!

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются, прибавилъ прикащикъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не отсталъ отъ нихъ.

— Ну вотъ, оно и повеселѣе! сказалъ одинъ изъ извозчиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да вотъ, ребята!... началъ прикащикъ: малый идетъ въ Москву, Богъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его?

— Почто нѣтъ! отвѣчалъ одинъ извозчикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ!—примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду, поспѣшилъ сказать прикащикъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ! проговорилъ другой. Пожалуй, ты хоть не плати.

— Нѣтъ, и я съ вами! сказалъ прикащикъ.— Ну вотъ... какъ тебя зовутъ, пріятель?... продолжалъ онъ.

— Михайломъ, отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь, тамъ за тебя мы не плательщики; слышишь?

Михайло поблагодарилъ своихъ спутниковъ, какъ умѣлъ, за благодѣяніе... Деревенскій обѣдъ на десятирхъ стоилъ въ то время нѣсколько копѣекъ; слѣдовательно, Михайло не могъ стоять спутникамъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но какъ важно было это для безпріютнаго, беззащитнаго бѣглеца изъ отеческаго дома!*)

И такъ, на первый случай, Михайло обезпеченъ. Этотъ первый успѣхъ наполнилъ сердце его радостью и казался ему добрымъ предвѣстіемъ.— И почему-жъ бы ему не надѣяться? Вѣдь намѣренія его были чисты, благородны, и только за невозможностью

*) Начало этой III-ей главы, до-сихъ-поръ, заимствовано, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ сочиненія Ксенофонта Алексѣевича Полевого: „Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ“—томъ I.

прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, долженъ онъ былъ бѣжать изъ дома отеческаго. Съ полною, сладкою увѣренностію въ милость Божию, пустился Михайло въ дальній путь, помогая, гдѣ и въ чемъ только могъ, добрымъ извозчикамъ, сжалившимся надъ нимъ.

Наконецъ обозы подѣхали къ Москвѣ. День былъ прекрасный, и солнце освѣщало золотыя маковки великаго множества московскихъ церквей. Какъ описать то, что происходило въ умѣ и душѣ молодаго холмогорскаго рыбака, при видѣ всѣхъ чудесъ, открывшихся предъ глазами его — дивной, неподражаемой картиной? Его можно было сравнить со слѣпцомъ, который бы внезапно получилъ зрѣніе посреди блестящаго, великолѣпнаго собранія, при свѣтѣ лампъ и люстръ!... Прикащикъ, желая блеснуть знаніемъ Москвы, на каждомъ шагу объяснялъ Михайлѣ встрѣчавшіеся предметы, но юноша не слушалъ его... другой голосъ, болѣе любимый имъ голосъ внутренній, душевный, бесѣдовалъ съ нимъ о другихъ предметахъ...

Обозы остановились у постоялаго двора. Освободившись отъ докучливыхъ разсказовъ прикащика, Михайло нѣсколько отсталъ, но

подойдя къ постоялому двору, онъ невольно вспомнилъ слова прикащика: „въ Москвѣ все дорого, тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь!“—И вотъ онъ въ Москвѣ, между тысячами людей... но ни одного знакомаго!... Только тогда ему представился весь ужасъ его положенія! Куда дѣваться? гдѣ приклонить голову? Въ домѣ родительскомъ его пугала одна отдаленность Москвы, но теперь онъ побѣдилъ это препятствіе, и тысяча новыхъ, болѣе устрашительныхъ препятствій возникли передъ нимъ, какъ грозные укорители!...

Ему стало грустно; сердце его крѣпко, крѣпко сжалось, и внутреннее предубѣжденіе заставляло его читать на лицахъ всѣхъ прохожихъ непріязнь, недоброжелательство! Михайло стоялъ въ тяжкомъ раздумьи, не трогаясь съ мѣста—какъ вдругъ легкій ударъ по плечу заставилъ его вздрогнуть; онъ быстро оглянулся, и увидѣлъ предъ собою прикащика.

— Ну, что, братъ, вотъ ты и въ Москвѣ! Теперь куда ты думаешь?

— Не знаю, отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ юноша.

— Не знаешь? Вотъ то-то и есть! Не спросись броду, не суйся въ воду! Сначала храб-

рился, а теперь притихъ! Ну, да хорошо, что на меня напалъ. Я человѣкъ не злой, и при случаѣ совѣтъ могу подать. Знаешь что?... черезъ недѣльки полторы у насъ опять обозы пойдутъ въ Архангельскъ. До-тѣхъ-поръ ты какъ нибудь пробьешься, а тамъ, братъ, ступай опять домой, во-свояси! Право, лучше будетъ!

Михайло съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, и отвѣчалъ съ твердостію:

— Нѣтъ, домой не пойду.

— Ну, какъ знаешь! Послѣ самъ раскаешься. А я, братъ, самъ человѣкъ семейный, я тебѣ помочь не могу.

— Я и такъ ужъ благодаренъ вашей милости. Авось Господь не оставитъ меня!

— Эй, Михайло! послушайся совѣта моего...

— Домой я не пойду, отвѣчалъ рѣшительно юноша.

— Прощай, братъ! сказалъ прикащикъ, пожавъ плечами.

— Прощайте! отвѣчалъ печально Михайло, и крупныя слезы выкатились изъ глазъ его.

Прикащикъ, почесывая затылокъ, медленно пошелъ къ постоялому двору, но вскорѣ остановился, и опять вернулся къ Михайлѣ,

на котораго смотрѣлъ нѣсколько минутъ въ молчаніи. По всему видно было, что сожалѣніе боролось въ немъ со скупостью.

— Куда же ты дѣнешься? спросилъ онъ наконецъ.

— А куда Богъ укажетъ. Пора спрошу людей... отвѣчалъ, утирая слезы, Михайло.

— Ахъ ты, Господи мой! Нельзя жъ тебѣ оставаться на улицѣ!... Ну, что дѣлать? Ступай пока со мною, а тамъ, можетъ быть, и придумаемъ что-нибудь...

— Милостивецъ, благодѣтель мой! Господь наградить васъ; но я не хочу быть вамъ въ тягость... отвѣчалъ съ благодарностью Михайло.

— Не хочешь быть въ тягость, такъ зачѣмъ ушелъ отъ отца? А вѣдь мнѣ нельзя же тебя бросить одного въ большомъ городѣ... чего добраго, еще пустишься на какое-нибудь худое дѣло. Да что тутъ много разговаривать, ступай только за мною.

Господь неисповѣдимыми путями велъ избранника своего къ назначенной ему цѣли. Прикащикъ принялъ Михайлу къ себѣ въ домъ, и для собственной же пользы своей сталъ хлопотать, чтобы поскорѣе помѣстить его куда-

нибудь. По счастью, у него былъ знакомый монахъ, которому онъ и рассказалъ все дѣло. Монахъ, которому понравилась наружность Михайла и желаніе его учиться, обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы помѣстить его въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, и находившеся въ зданіяхъ монастыря, къ которому принадлежалъ монахъ.

Нѣсколько дней, казавшихся Михайлѣ вѣчностью, прошли. Наконецъ, монахъ пришелъ къ прикащику, велѣлъ позвать Михайлу, и объявилъ, что онъ говорилъ о немъ Ректору, и что тотъ велѣлъ представить себѣ молодаго Ломоносова. Михайло не зналъ, какъ благодарить благодѣтеля своего; въ немъ опять ожили надежды, опять онъ былъ веселъ и счастливъ!...

Михайло былъ представленъ Ректору. Последнему очень понравились открытый видъ, умные глаза и смѣтливость юноши, и онъ рѣшилъ принять его въ училище, не смотря на два важныя препятствія: первое то, что Михайло былъ бѣглець, а второе, что въ училище не принимали крестьянскихъ дѣтей. Его записали дворяниномъ.

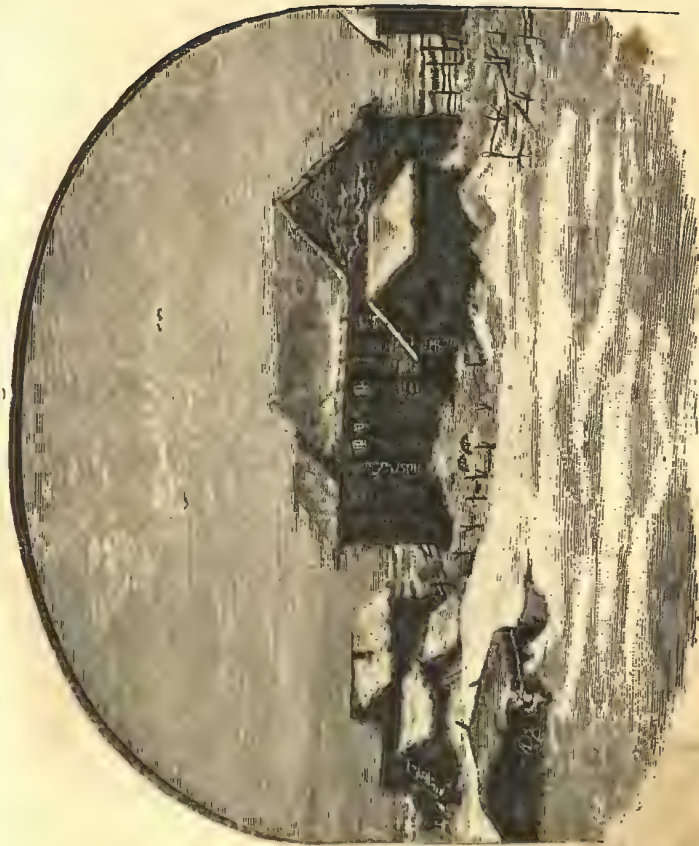
И такъ, сынъ рыбака достигъ цѣли, которой такъ пламенно домогался!... Онъ въ училищѣ. Кто можетъ усомниться въ томъ, что самъ Господь былъ защитникомъ и покровителемъ его?... Чему болѣе приписать то счастье, съ которымъ онъ дошелъ до цѣли своей? Михайло Ломоносовъ ушелъ изъ дому отеческаго съ тою обманчивою надеждою, что люди поймутъ, примутъ и обласкаютъ его; но люди еще не поняли его, они только сжалились надъ нимъ, какъ надъ, безпріютнымъ!... Все это приписывайте не случаю, но милости Всевышняго!... Но, друзья мои, безъ вѣры, безъ сильной воли и увѣренности генія, и Ломоносовъ не пустился бы въ далекій, опасный путь, а если-бъ и пустился, то замерзъ бы на дорогѣ, не нашелъ бы покровителей и заступниковъ и, вѣроятно, погибъ бы безвозвратно. Всѣ эти успѣхи принадлежатъ генію: только онъ преодолеваетъ все!...

И такъ, Ломоносовъ поступилъ въ училище, которое, въ просторѣчїи, еще называлось Законоспасскимъ, между тѣмъ, какъ, по настоящему, оно именовалось *Московскою Греко-Латинскою Академіею*.

IV.

УЧИЛИЩЕ.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ

Деревня Денисовка.

Фурманъ.

Дозв. пензен. обл. 4 Января 1903 г.

Получено: 4-го Января 1903 г. У. М. 80

IV.

Училище.

Между высокими, почернѣлыми отъ времени, стѣнами, на небольшой лужайкѣ, покрытой тощей, поблеклой, притоптанной травой, съ шумомъ и крикомъ рѣзвилась толпа мальчиковъ, оборванныхъ и запачканныхъ. Они были въ самыхъ разнородныхъ и пестрыхъ платьяхъ, съ прорванными локтями, съ заплатами—словомъ, походили на маленькихъ нищихъ; но это нисколько не мѣшало общему веселью: напротивъ, придавало имъ болѣе свободы, потому что не нужно было бояться, что замараешь или изорвешь платье. Поодаль отъ шумной, прыгавшей толпы, ходилъ молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, съ книгой въ рукахъ. Онъ читалъ съ большимъ вниманіемъ, прохаживаясь вдоль высокой стѣны. На немъ былъ тиковый халатъ, опоясанный ремнемъ. Этотъ юноша былъ Михайло Ло-

моносовъ. Между всѣми небогатыми товарищами своими, онъ былъ самый убогій. Почти у всѣхъ его товарищей были родственники или родители, которые снабжали ихъ одеждой и давали имъ иногда деньги на пищу, на бумагу, книги—и даже на лакомство; а онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ жалованіемъ, которое составляло всего *алтына* (три копѣйки) въ день!... Изъ этой черезчуръ скудной суммы Михайло употреблялъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, остальные на бумагу, на обувь и другія нужды. Посудите сами, друзья мои, и вы увидите, что необходима была сильная страсть къ ученію и геній, чтобы вытерпѣть всѣ эти лишенія и не упасть духомъ.

Михайло, какъ мы уже сказали, былъ погруженъ въ чтеніе, когда вдругъ, надъ самымъ ухомъ его, раздался пискливый голосъ, кричавшій:

— Посторонись, а не то сшибу съ ногъ!

— Я тебѣ не мѣшаю, отвѣчалъ Михайло, оглянувшись и увидѣвъ маленькаго мальчишку.

— Мѣшаешь! закричалъ дерзко маленькій товарищъ его: убирайся прочь! Мы хотимъ тутъ играть.

— Вамъ мѣста довольно.

— Не твое дѣло разсуждать, пошелъ прочь!

— Не пойду.

— Не пойдешь! Ахъ ты болванъ долговязый!

— Что ты бранишься? спросилъ съ досадой Михайло.

— Хочу! отвѣчалъ мальчишка: хочу! Вѣдь тебѣ поди-ка будетъ лѣтъ за двадцать, а пришелъ еще азбучкѣ учиться!

— Оставь меня въ покоѣ, нетерпѣливо закричалъ Михайло, или тебѣ худо будетъ.

— Самому тебѣ худо будетъ! У, у, у! Мужикъ съ латынью возится! У! мужикъ, мужикъ!

Досада и грусть сжали сердце Ломоносова. Выведенный изъ терпѣнія, онъ бросился на дерзкаго мальчишку и схватилъ его за волосы. Громко и жалобно завизжалъ забіяка. Толпа другихъ школьниковъ приблизилась.

— Что это! кричали нѣкоторые: большой болванъ обижаетъ маленькаго; поколотимте его! Какъ онъ смѣетъ! Поколотимте мужика!

И съ шумомъ бросились на Михайлу, но воспитанный на сѣверномъ воздухѣ юноша, столь же крѣпкій тѣломъ, какъ и душою,

учители, и не прошло года, какъ онъ воротился въ Москву.

Тамъ онъ опять съ прежнимъ рвеніемъ принялся за науки, и въ особенности занялся русскимъ языкомъ, совершенно необработаннымъ и неимѣвшимъ тогда ни правилъ, ни законовъ. Въ 1735 году, изъ Петербургской Академіи Наукъ, незадолго передъ тѣмъ основанной по мысли Петра Великаго, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи требованіе о высылкѣ лучшихъ учениковъ въ Петербургъ. Натурально, первый выборъ палъ на Михайлу Ломоносова, который съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть.

Сборовъ большихъ у него не было, а потому онъ былъ готовъ гораздо прежде другихъ товарищей, съ нимъ отправлявшихся. Одинокó помолившись еще разъ святымъ угодникамъ московскимъ, онъ сѣлъ въ одну изъ приготовленныхъ телѣгъ и, съ надеждой на Провидѣніе и на собственную твердую волю свою, поѣхалъ по дорогѣ къ столицѣ.

Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ послѣ кончины безсмертнаго основателя его, Императора Петра Великаго; но слѣды мудраго

преобразователя видны были еще на всемъ и во всемъ, хотя Петербургъ былъ еще далеко не таковъ, какимъ мы видимъ его нынѣ. Ломоносовъ на все глядѣлъ съ восторгомъ юношеской души своей, и, можетъ-быть, тогда уже запала въ душу и умъ его искра славной поэмы: *Петръ Великій*, которую онъ написалъ впоследствии.

Окончивъ курсъ въ Гимназіи, находившейся при Академіи, Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другимъ отличнымъ ученикомъ, Виноградовымъ, былъ назначенъ къ отсылкѣ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, къ которымъ тотъ и другой прилагали особое стараніе, а именно въ химіи и горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ еще прежде подружился съ Виноградовымъ, а потому крайне обрадовался, когда узналъ, что имъ назначено ѣхать вмѣстѣ.

v.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ОДОБРЕНІЕ г. ПРОФЕССОРА ВОЛЬФА, НА ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ
ПИСАННОЕ.

Молодой человекъ преимущественнаго остроумія, Михайло Ломоносовъ, съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ пріѣхалъ, прилежно математическія, философическія, а особенно физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредь съ такимъ раченіемъ простирается будетъ, то не сомнѣваюсь, чтобы возвратясь въ Отечество не принесть пользы; чего сердечно желаю.

Дано въ Марбургѣ 1739 года іюля 20-го дня.

Христіанъ Вольфъ.

Акад. Марбург. Проректоръ.

V.

За границей.

Сборы къ отъѣзду заняли на нѣсколько времени друзей. Имъ дали обширную инструкцію, въ которой было сказано, что Академія, отличая необыкновенныя способности и прилежаніе студентовъ Ломоносова и Виноградова, отправляетъ ихъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ математическихъ, въ физикѣ, химіи и металлургіи, къ славному въ ученomъ мірѣ философу и математику Христіану Вольфу; что они отправляются, на счетъ Академіи, на первый случай, въ Марбургъ, мѣстопробываніе помянутаго ученаго; что послѣ изряднаго обученія у Христіана Вольфа *илиютьъ* они ѣхать, по его совѣту, въ другія мѣста Германіи.

За этимъ слѣдовали наставленія касательно поведенія и бережливости: вести себя поряд-

дочно; въ проѣздѣ черезъ Россію и иностранныя государства вездѣ повиноваться мѣстному начальству; соблюдать уставы религіи и благонравія; трудиться и заниматься науками сколь возможно прилежнѣе и, наконецъ, никакъ не издерживать болѣе назначенной имъ на расходы суммы.

Въ торжественномъ собраніи Академіи была вручена молодымъ людямъ эта инструкція, съ приказаніемъ не медля ѣхать на другой же день.

И такъ школьническая жизнь Ломоносова кончилась! Онъ почти уже достигъ цѣли, къ которой стремился; но, не смотря на то, сколько горестей, сколько тягостныхъ мученій долженъ былъ еще претерпѣть.

Ломоносовъ за границей!... Не представляйте, однакожъ, его себѣ, какъ рыбака, мужичка, внезапно перенесеннаго отъ сѣверныхъ льдовъ къ акуратно-обработаннымъ полямъ Германіи,—нѣтъ, науки сблизили его уже съ просвѣщеннымъ міромъ, а профессоры Академіи, которые почти всѣ были нѣмцы,—съ Германіей. Ему крайне полюбилась мирная семейная жизнь нѣмцевъ, языку которыхъ онъ скоро выучился съ врожденною въ немъ

легкостью; нерѣдко онъ отдыхалъ отъ трудовъ въ кругу добрыхъ бюргеровъ, судилъ съ ними о разныхъ предметахъ, рассказывалъ чудеса про Россію, которымъ простодушные бюргеры, покачивая головами и попивая пиво, почти не вѣрили.

Но чудно началась жизнь Ломоносова, и такъ же чудно должна была продолжаться, пока судьба, всячески испытавъ его, не возвела, наконецъ, на ту степень величія и славы, которою увѣнчался могущественный геній его!...

Такъ точно, какъ онъ находилъ отраду въ бесѣдахъ съ мирными бюргерами, когда умъ его требовалъ отдыха, такъ точно пылкость характера, когда душа и сердце требовали сильныхъ ощущеній, увлекала его въ товарищество и связи съ буйными нѣмецкими студентами. Виноградовъ, болѣе хладнокровный и разсудительный, часто увѣщевалъ Ломоносова, но слова друга только раздражали его.

Виноградовъ и Ломоносовъ жили вмѣстѣ. Они нанимали небольшую квартирку у портнаго, добраго и честнаго нѣмца, у котораго была одна только дочь, завѣдывавшая небольшимъ хозяйствомъ отца, любившаго ее всею

душою. Ломоносовъ полюбилъ миловидную Христину, и не смотря ни на сопротивленія отца, ни на совѣты друзей, увлеченный неукротимымъ характеромъ своимъ — женился на ней.

Сначала они жили счастливо, потому что еще незнакомы были съ нуждой. Ломоносовъ, не смотря на предсказанія Виноградова, прилежно ходилъ слушать лекціи, и продолжалъ ревностно заниматься русскимъ языкомъ. Около того времени, онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной русскими войсками подъ Хотиномъ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Извѣстіе это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное. Вдали отъ отечества, между чужестранцами, онъ еще болѣе обрадовался, что родился русскимъ, и въ восторгѣ написалъ оду, изъ которой мы приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долині тишина, глубокой,
Внимая нѣчто, ключъ, молчить,
Который завсегда журчить,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;

Лавровы выются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшить во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Шумить съ ручьями боръ и долъ.
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боиится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тмѣ ночной,
Звучить во всѣхъ земляхъ трубой:
Коль Росская ужасна сила!

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видимъ красоты
При семъ торжествованьи новомъ,
Военныхъ не страшимся бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ.
Народъ гдѣ АННУ прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярься, грызетъ,
То наша радость презираетъ.

Казацкихъ полъ за-Днѣстрской тать
Разбить, прогнанъ, какъ прахъ развѣянь,
Не смѣетъ ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянь.

Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ;
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ;
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранить,
Простымъ усердемъ прославляетъ.

Любовь Россіи, страхъ враговъ
Страны полночной Героиня,
Седьми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика АННА, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ,
Прости, что рабъ Твой къ громкой славѣ
Звучить, что крѣпость силъ Твоихъ
Придать дерзнулъ некрасный стихъ
Подданства въ знакъ Твоей державѣ.

Ода эта была первымъ, истиннымъ стихо-
твореніемъ, правильнымъ и гармоническимъ,

Императрица Екатерина Вторая.

съ гравюры Валькера, сдѣланный съ портрета Лампи.

доказывающимъ гибкость и величіе русскаго языка!... Ломоносовъ самъ внутренне былъ такъ доволенъ ею, что рѣшилъ послать ее въ Петербургъ; однакожъ не получилъ оттуда никакого отвѣта, между тѣмъ какъ она была милостиво принята Императрицей и приводила всѣхъ въ восторгъ. О, еслибъ Ломоносовъ могъ узнать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ!...

Между тѣмъ, въ Марбургѣ дѣла его становились день-о-то-дня хуже. Господь даровалъ ему дочь, слѣдовательно, увеличились и домашнія заботы. Жестокая бѣдность костлявой рукой своей постучалась къ нему въ дверь. Ломоносовъ и жена его нерѣдко терпѣли голодъ и жесточайшую нужду, и въ то же время долги ихъ увеличивались. Никто не хотѣлъ болѣе имъ вѣрить въ долгъ, и когда русскій студентъ сталъ мало-по-малу продавать вещи свои, то заимодавцы приступили къ нему съ рѣшительными требованіями— и даже угрожали посадить въ тюрьму.

Заимодавцы не ограничились угрозами: однажды, когда Ломоносовъ сидѣлъ за кускомъ черстваго хлѣба, составлявшимъ весь обѣдъ его и семьи, явились кредиторы, въ

сопровожденіи полицейскаго чиновника, съ требованіемъ денегъ.

— У меня теперь нѣтъ денегъ, отвѣчалъ Ломоносовъ, съ горестью взглянувъ на рыдающую жену: но подождите еще нѣсколько дней...

— Не хотимъ ждать! закричали въ одинъ голосъ заимодавцы: мы и такъ ужъ давно ждемъ!

— Но я вскорѣ получу изъ Россіи третное жалованье свое, и тогда...

— Знаемъ мы это. Давно уже слышали. Не хотимъ ждать! Подавайте намъ сейчасъ деньги!

— Но гдѣ же мнѣ ихъ взять? вскричалъ съ отчаяніемъ Ломоносовъ.

— Коли негдѣ, такъ въ тюрьму его, закричали заимодавцы.

— Въ тюрьму! повторилъ съ ужасомъ Ломоносовъ: но, ради Бога, подумайте...

— Не хотимъ думать! Въ тюрьму его!

Ни просьбы Ломоносова, ни слезы жены, ни плачь малютки, не тронули жестокихъ. Они настоятельно требовали, чтобы русскаго студента посадили въ тюрьму. Полицейскій чиновникъ готовился уже исполнить

обязанность свою, когда вдругъ внезапная мысль сверкнула въ умѣ Ломоносова.

— Постойте! вскричалъ онъ: выслушайте еще одно слово!

— Ну что? говорите скорѣе! отвѣчалъ одинъ изъ кредиторовъ.

— Потерпите только до завтра! просилъ Ломоносовъ.

— Э, вздоръ; завтра будетъ опять та же пѣсня!...

— А что же, въ самомъ дѣлѣ, заступился сжалившійся полицейскій чиновникъ: подождемъ до завтра, можетъ быть и будетъ толкъ. Вѣдь одинъ день не мѣсяцъ, не годъ.

Заимодавцы посовѣтовались между собою, и наконецъ одинъ изъ нихъ, обратившись къ Ломоносову, сказалъ:

— Херъ Ломоносовъ, мы беремъ въ соображеніе бѣдственное положеніе вашего семейства и готовы ждать, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы заплатили все сполна—завтра же!

Ломоносовъ не отвѣчалъ. Глаза его были устремлены на одинъ предметъ... онъ о чемъ-то раздумывалъ.

—Что-жъ вы молчите? Обязываетесь ли вы уплатить намъ завтра?

— Ахъ, Боже мой! да гдѣ же намъ взять... начала жена Ломоносова, но онъ скоро перебилъ ее:

— Да, да, господа! Завтра... завтра...

— Ну, такъ до свиданія, ~~хорошо~~ Ломоносовъ, и не сердитесь на насъ. Право, обстоятельства вынуждаютъ насъ къ такому поступку. Времена плохія! Впрочемъ, расплатитесь завтра, и мы опять готовы вѣрить вамъ...

— Да, да завтра... завтра... разсѣянно повторилъ Ломоносовъ, провожая заимодавцевъ.

Затворивъ за ними дверь, онъ воротился къ женѣ, крѣпко обнялъ ее, поцѣловалъ малютку-дочь и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Христина, не мѣшай мнѣ до вечера—я буду заниматься въ кабинетѣ своемъ; только вечеромъ приди проститься со мною... я, можетъ быть, проработаю всю ночь... и принеси съ собою малютку нашу, я поцѣлую ее... авось мнѣ не такъ тяжка будетъ... работа... слышишь?... Послѣднія слова произнесъ Ломоносовъ задыхавшимся голосомъ, и скоро ушелъ въ кабинетъ свой.

Онъ проработалъ до глубокой ночи. Жена не замедлила принести ему малютку, и сама хотѣла просидѣть съ нимъ, но Ломоносовъ упросилъ ее лечь. Онъ долго, долго

цѣловалъ жену и дочь, благословилъ ихъ по русскому обычаю, и, глубоко вздохнувъ, опять принялся за дѣло... за какое же дѣло? Чѣмъ занимался въ это время Ломоносовъ? Онъ укладывалъ всѣ книги и бумажки свои въ порядокъ, писалъ письма и дѣлалъ кой-какія замѣтки. Но вотъ онъ кончилъ...

Всѣ спали въ домѣ, а можетъ-быть, и въ цѣломъ Марбургѣ; только въ окнѣ русскаго студента, сквозь неплотно закрывавшіяся ставни, свѣтился огонь.

Ломоносовъ всталъ, усердно помолился иконѣ, взялъ со стола письма, снялъ съ шеи крестъ, которымъ нѣкогда благословила его мать и съ которымъ онъ никогда не разлучался, и пошелъ къ комнатѣ, гдѣ спали жена и дочь его сномъ невинности.

Молча смотрѣлъ Ломоносовъ на милыхъ сердцу, и горячія слезы текли по щекамъ его... онъ поцѣловалъ жену, потомъ подошелъ къ малюткѣ... худо сплоченныя доски заскрипѣли подъ ногами его... малютка зашевелилась и, какъ-бы во снѣ, протянула къ отцу ручонки... твердость стала покидать его, слезы струились изъ глазъ—онъ всячески старался удержать всхлипыванія... но малютка успокоилась и опять погрузилась въ без-

мятежный сонъ. Ломоносовъ осторожно надѣлъ на нее крестъ свой, положилъ на столъ приготовленные имъ письма, еще разъ взглянулъ на близкихъ сердцу его, благословилъ ихъ, и такъ же осторожно вышелъ изъ спальни, какъ вошелъ въ нее. Въ передней онъ накинулъ старый изношенный плащъ свой, надѣлъ фуражку и, еще разъ глубоко вздохнувъ, вышелъ на улицу.

Знаете ли, какая была цѣль его?... Бѣжать изъ Марбурга въ Россію!...

И вотъ Ломоносовъ второй разъ бѣжитъ отъ родныхъ, бѣжитъ изъ дому, который называлъ своимъ!...

Но второе бѣгство его было тягостнѣе перваго. Тогда его подкрѣпляла вѣра въ способности, дарованныя ему Господомъ, и онъ бѣжалъ, чтобы удовлетворить тому желанію, той страсти къ ученію, которая мучила его, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя!... Теперь онъ долженъ былъ укрываться, какъ преступникъ, отъ преслѣдованій жестокихъ заимодавцевъ, которые грозили ему заточеніемъ... теперь онъ оставлялъ безъ защиты и покровительства, въ величайшей нищетѣ, жену и дочь!...

VI.

СОЛДАТЪ.

О Д А.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 26.

Господь спаситель мнѣ и свѣтъ;
Кого я убоюсь?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ;
Кого я устрашуся?

.....
Хоть полкъ противъ меня возстань,
Но я не ужасаюсь:
Пушай враги воздвигнуть брань;
На Бога полагаюсь.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ Его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

.....
Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю!
И сохрани на всякій часъ;
Къ тебѣ я прибѣгаю!

.....
Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріалъ меня Творецъ,
И далъ жить въ благоденствѣ.

VI.

С о л д а т ѣ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ нѣмецкаго города Дюссельдорфа, на берегу Рейна, находилась небольшая, но чистенькая корчма. Передъ нею, подъ небольшимъ дощатымъ навѣсомъ, столбы котораго были увиты хмѣлемъ, за большимъ столомъ, на скамьяхъ, выкрашенныхъ свѣтло-зеленою краскою, сидѣло нѣсколько человѣкъ солдатъ, громко бесѣдовавшихъ.

Хозяинъ, въ желтой нанковой курткѣ, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, передникомъ, въ полосатомъ колпакѣ, услуживалъ гостямъ, не выпуская изо рта коротенькой трубочки, и, когда въ немъ не было нужды, возвращался въ уголокъ, къ маленькому столику, на которомъ стояла большая, тяжеловѣсная оловянная кружка съ пивомъ, которое хозяинъ съ наслажденіемъ потягивалъ.

По тропинкѣ, ведшей изъ лѣсу къ корчмѣ,

шелъ въ то время мужчина лѣтъ тридцати. На немъ былъ изорванный, старый плащъ; фуражка была надвинута на глаза. Медленно, какъ бы истомленный продолжительною ходьбою, подвигался онъ впередъ, упираясь на толстую, суковатую палку. Съ осторожностью и боязнью осматривался онъ по сторонамъ и, замѣтивъ солдатъ, сидѣвшихъ у корчмы, остановился въ нерѣшимости. Но усталость и, можетъ-быть, голодъ взяли верхъ надъ страхомъ; онъ прямо пошелъ къ корчмѣ и въ изнеможеніи упалъ на скамью.

Хозяинъ, замѣтивъ пришельца, глотнулъ пива, утеръ ротъ широкою ладонью и подошелъ къ путнику.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ, осмотрѣвъ бѣдняка съ ногъ до головы.

Путникъ укотолаго отъ изнеможенія закрылись глаза, на минуту открылъ ихъ и, посмотрѣвъ на хозяина, отвѣчалъ слабымъ голосомъ:

— Ничего!

— Wie so?—спросилъ протяжно хозяинъ, непривыкшій къ подобнымъ отвѣтамъ: ничего?

— Да... то есть...извините... продолжалъ бѣднякъ съ робостью: я хотѣлъ просить васъ... дайте мнѣ кусокъ хлѣба... хоть черствого!...

Хозяинъ поморщился, почесалъ сперва лобъ, потомъ красный носъ свой и, осмотрѣвъ еще разъ бѣдняка съ ногъ до головы, позвалъ служанку и велѣлъ ей принести бѣдняку кусокъ хлѣба, варенаго картофелю и стаканъ вина, только того, что похуже. Нѣмцы и въ благотворительности разсчетливы!

Путникъ не имѣлъ даже силъ благодарить хозяина; но когда служанка исполнила приказаніе послѣдняго, то бѣднякъ съ жадностью бросился на то, что подали.

Между тѣмъ солдаты подозвали къ себѣ хозяина.

— Что это за человѣкъ? спросилъ вахмистръ, поглаживая подбородокъ и показывая на путника.

— А Богъ его знаетъ! Видно странствующій ремесленникъ какой-нибудь, а можетъ, и бродяга. Кто ихъ распознаетъ!

— Что онъ не бродяга, это я вижу по лицу его, продолжалъ вахмистръ: я довольно насмотрѣлся на людей, и сразу узнаю, кто какая птица!

— А вѣдь бравый молодецъ! сказалъ одинъ изъ солдатъ, смотря на путника, съ жадностью доѣдавшего картофель.

— Что за молодецъ? замѣтилъ хозяинъ, поглаживая выпуклый животъ свой: вишь какой тощій!

Солдаты засмѣялись, а между тѣмъ вахмистръ, наливъ полный стаканъ вина, всталъ съ мѣста своего, пошелъ къ путнику и, слегка ударивъ его по плечу, подалъ ему стаканъ съ виномъ и спросилъ.

— А что, камрадъ, не хочешь ли винца?

Бѣднякъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на военного съ робостью, но, замѣтивъ ласковое выраженіе лица его, успокоился и отвѣчалъ:

— Благодарю. За угощеніе я смолodu привыкъ отплачивать угощеніемъ. А теперь мнѣ нечѣмъ будетъ отблагодарить васъ.

— Э, полно! Пей на здоровье! Ты усталъ; это подкрѣпитъ тебя.

Бѣднякъ съ удовольствіемъ выпилъ вино.

— Вотъ такъ! продолжалъ вахмистръ. Что, хорошо? То-то и есть! А ты видно издалека?

— Изъ Марбурга, отвѣчалъ необдуманно путникъ, и какъ бы раскаялся въ опрометчивости своей.

— Ого! порядочно! И все пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Значить, ты мастеръ ходить! Впрочемъ и не удивительно: парень ты видный и здоровый!... говорилъ вахмистръ: а позволь еще спросить, какимъ ремесломъ занимаешься?

— Я студентъ.

— То есть ученый?

— Учащійся.

— Это все равно! важно отвѣчалъ вахмистръ; потомъ, покачавъ головой, продолжалъ: охота тебѣ, молодцу такому, съ глупыми книгами возиться! Ну что въ нихъ толку? Бредни, да болтовня пустая! То ли дѣло наша жизнь, солдатская, привольная молодецкая!

— Именно, именно! воскликнули солдаты, постепенно перешедшіе къ тому столу, гдѣ сидѣлъ путникъ.

— Мы у Короля первые любимцы; только и заботы, чтобъ угодить ему, а потомъ погулять да попить!... Эхъ, чудная жизнь! Эй, хозяинъ! еще бутылку сюда, да, смотри, хорошаго! А не то, вѣдь ты меня знаешь... я шутить не люблю!

Вино было подано, и вахмистръ вмѣстѣ съ солдатами просили путника пить съ ними. Онъ не отказывался.

— Да, продолжалъ вахмистръ: жизнь наша самая счастливая! Король—отецъ, кормить и одѣваетъ насъ! Тужить не о чемъ; особенно нынѣшній Король; ему служить и выгодно, и почетно!... Эй, ребята! выпьемъ за здравіе Его Королевскаго Величества Фридриха III!

— За здравіе! повторили солдаты.

— За здравіе! повторилъ и путникъ, на котораго сильно дѣйствовало вино, выпитое въ большомъ количествѣ и почти натоЩакъ. Къ тому присовокупилась и усталость. Глаза его смыкались, онъ пробормоталъ еще нѣсколько несвязныхъ словъ, руки его повисли по обѣимъ сторонамъ стула, голова опустилась на грудь и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ...

Замѣтивъ это, хозяинъ наклонился къ вахмистру и сказалъ, смѣясь:

— Ну! этотъ вамъ не дорого стоилъ, вы его какъ разъ сшибли!...

— А тебѣ досадно, что мало вина выпили, толстая пивная бочка! отвѣчалъ вахмистръ.

— Что вы все бранитесь, господинъ вахмистръ? вскрикнулъ хозяинъ: ничего мнѣ не жаль, потому что вѣдь это не въ первый разъ. Побываете еще!

— Полно разговаривать по-пустому, сказалъ вахмистръ, обратившись къ солдатамъ: принимайтесь за дѣло! Нечего время терять.

— Ага, попался, пріятель! говорили, смѣясь, солдаты. Они были вербовщики, которые иногда угрозами, иногда ласками, а большею частію обманомъ овладѣвали молодыми людьми и забирали ихъ въ солдаты. То же сдѣлали они съ бѣднымъ путникомъ - студентомъ. Пользуясь сномъ его, они нашили ему на кафтанъ красный воротникъ и сунули въ карманъ горсть денегъ, а потомъ бережно снесли въ одну изъ комнатъ корчмы.

Долго и крѣпко спалъ утомленный бѣднякъ; только на слѣдующее утро разбудилъ его вахмистръ.

— Вставай, камрадъ, вставай! пора въ дорогу! говорилъ онъ.

— Въ дорогу! Куда? спросилъ путникъ, протирая глаза.

— Куда? Не твое дѣло! Про то знаетъ начальство, отвѣчалъ вахмистръ.

— Какое начальство?

— Что? ты не знаешь начальства? А вотъ какъ я тебя проучу хорошенько такъ

и будешь знать!—И вахмистръ замахнулся на него палкой.

Студентъ скоро вскочилъ, и только тогда замѣтилъ, что ему нашили красный воротникъ. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на вахмистра и на окружавшихъ его солдатъ, которые, посмѣиваясь, перешептывались между собою.

— Ты, видно, еще не проспался, продолжалъ вахмистръ, опустивъ палку; такъ я прощаю тебѣ; а то, братъ, наша солдатская служба не игрушка; потерпишь и холодъ и нужду, а не смѣй пикнуть! Слышишь, мы шутить не любимъ, ты у насъ смотри въ оба! Ступай же, стройся въ рядъ съ товарищами.

— Съ какими товарищами?

— Съ рекрутами, которые, можетъ быть, со временемъ, будутъ славными прусскими солдатами.

— Съ чего вы взяли, что я вамъ товарищъ? что я рекрутъ? спросилъ съ изумленіемъ студентъ.

— А съ того, что ты вчера завербовался и пилъ за здоровье нашего Короля, отвѣчалъ вахмистръ.

Императрица Екатерина II у Ломоносова.

— Такъ за рюмку вина вы хотите сдѣлать меня прусскимъ солдатомъ? Никогда! вскричалъ съ негодованіемъ студентъ: вы хотите овладѣть мною низкимъ поступкомъ, но это вамъ не удастся, потому что я русскій, меня зовутъ Ломоносовымъ!... Если моя Государыня потребуетъ жизни моей, то я готовъ пролить за нее послѣднюю каплю крови; но служить чужому королю не намѣренъ!...

— Ого! да у него еще вчерашній хмѣль въголовѣ бродить! сказалъ, грубо засмѣявшись, вахмистръ: мы, братъ, дурь-то выколотимъ изъ тебя... держите его!

Двое солдатъ схватили Ломоносова за руки... вахмистръ замахнулся, но не билъ еще, а спросилъ:

— Будешь ли служить вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?

Ломоносовъ видѣлъ, что сопротивленіе испортитъ все дѣло, и что, слѣдовательно, надо было покориться глупой необходимости; но тутъ же онъ твердо рѣшился избавиться отъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ.

Бѣдный Ломоносовъ! неужели ему суждено

остаться на всю жизнь прусскимъ солдатомъ? Неужели для того провелъ онъ пятнадцать лѣтъ за книгами, въ области наукъ и фантазіи, чтобы находиться подъ палкой какого-нибудь грубаго вахмистра?...

Нѣтъ! судьба или, вѣрнѣе, Провидѣніе, которое такъ милостиво берегло его на славу Россіи, и въ этотъ разъ спасло его. Никто, какъ само Провидѣніе берегло его, потому что, представьте себѣ, легко ли уйти изъ крѣпости, окруженной высокою стѣною, валомъ и глубокими рвами, гдѣ за рекрутами строго присматривали, гдѣ на каждомъ шагу стояли часовые? Ломоносовъ побѣдилъ всѣ эти препятствія...

Однажды вечеромъ онъ легъ спать ранѣе другихъ; проснувшись въ полночь и замѣтивъ, что всѣ еще спали крѣпкимъ сномъ, онъ вылезъ, какъ можно осторожно, въ окно, находившееся близъ постели его; пользуясь ночьюю темнотою, перелѣзъ онъ черезъ стѣны и валъ, переплылъ ровъ! Тамъ сорвалъ онъ ненавистный красный воротникъ и, не имѣя копѣйки денегъ, пустился бѣжать по дорогѣ въ Голландію, откуда съ помощію русскаго посланника, надѣялся переправиться въ Россію.

...На бѣдномъ бѣглецѣ не было сухой нитки; онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; но, боясь быть пойманнымъ, не могъ остановиться ни на минуту. Стало свѣтать. Вдругъ изъ крѣпости послышался пушечный выстрѣлъ—обыкновенный сигналъ погониза убѣжавшимъ рекрутомъ.

Ломоносовъ пустился бѣжать еще скорѣе, и безпрестанно оглядывался... завидѣлъ вдали всадника, гнавагося за нимъ во весь опоръ... Ноги его подкосились...

— Господи, спаси и помилуй! проговорилъ Ломоносовъ, перекрестился и, собравъ послѣднія силы, ускорилъ бѣгъ свой...

Но всадникъ догонялъ его... Ломоносовъ слышалъ уже ровный стукъ копытъ лошади... до него доходили крики догоняваго... какъ вдругъ глазамъ его представился неширокій ровъ и столбъ... Ломоносовъ спасенъ!...

Онъ за границей!...

Скрывшись за кустарникомъ, Ломоносовъ теплой молитвой поблагодарилъ Всевышняго, потомъ раздѣлся, сталъ сушить мокрое платье, и проспалъ до полудня спокойно.

Но далеко было еще до Амстердама, а потому Ломоносовъ,—человѣкъ, которымъ впо-

слѣдствіи восхищалась вся Россія, ученый, словомъ, гений какіе рѣдко являются на землѣ — протягивалъ руку, прося милостыню!

Странная судьба великаго человѣка!

Такимъ образомъ дошелъ онъ наконецъ до Амстердама, и оттуда переплылъ на купеческомъ кораблѣ въ Петербургъ!... Вскорѣ вступилъ онъ на родную, на русскую землю... свѣтло сіяло на голубомъ небѣ солнце, весело струилась чудная Нева; всѣ лица, которыя встрѣчалъ Ломоносовъ, казались ему родными, знакомыми, возлѣ вѣры, никогда не покидавшей сердца его, проскользнулъ свѣтлый лучъ надежды!...

VII.

С Л А В А.

О Д А

НА НОВЫЙ 1764 ГОДЪ ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ
ЕКАТЕРИНЪ П.

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня радость и покровъ!
Не обвиняя предвѣщаю,
Что гласъ мой править поручаю
Послушницѣ твоей судьбѣ;
И можно ль, чтобы наши лѣта
Россійскаго отрадѣ свѣта
Не уподобились тебѣ?

:

Украсить тѣхъ лицо земное,
Ночную сокращаетъ тѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печется ночь вмѣняя въ день..
Россіяне народъ послушной!
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
Въ трудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

VII.

С л а в а.

Кончилась страдальческая жизнь Ломоносова! Возсіяло и надъ нимъ солнце радости!...

Въ Петербургѣ умъ и гений Ломоносова были оцѣнены. Онъ нашелъ себѣ покровителей, не только между вельможами, но и Августѣйшая Фамилія осыпала его милостями и щедротами своими. Онъ получилъ мѣсто при Академіи, и вскорѣ пріѣхала къ нему въ Петербургъ добрая жена и маленькая дочь его. Свиданіе было самое трогательное. Прежде того еще Ломоносовъ собирался ѣхать въ Холмогоры, чтобы повидаться съ отцомъ и обрадовать его успѣхами своими; но Академія, задавъ ему ученое сочиненіе по предмету его, не отпустила, а впоследствии Ломоносовъ узналъ, что отецъ его погибъ на одномъ изъ рыбныхъ промысловъ и былъ выброшенъ бурей на тотъ самый

островъ, на которомъ Михайло нѣкогда прове-
ночь, любуясь бурей. Горестъ сына о поте-
отца была неописанна, и въ однихъ зан-
тѣяхъ онъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе.

Ломоносовъ трудился неусыпно, и слава
его распространилась не только по всей
Россіи, но и въ иностранныхъ государствахъ;
онъ былъ принятъ въ члены разныхъ загра-
ничныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ
Академіи Стокгольмской и Болоньской.

Но величайшею изъ всѣхъ наградъ было
для него посѣщеніе Императрицы Екатерины
II! Премудрая Государыня поняла гения, про-
славлявшаго огромную имперію ея, и нежи-
данно прѣехала къ нему съ И. И. Шуваловымъ
ревностнѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ по-
кровителей Ломоносова.

Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ же-
нѣ и дочери его, Императрица пожелала ви-
дѣть ученныя занятія Ломоносова, который, поза-
бывъ присутствіе великой Государыни, видѣлъ
въ Ней только гениальную женщину, и былъ отъ
того еще краснорѣчивѣе, говорилъ еще увлека-
тельнѣе. Въ восторгѣ и умиленіи сердца, онъ
тутъ же написалъ стихи. Императрица милости-
во приняла благодарность Ломоносова, выра-

Надгробный памятникъ Ломоносову, въ Петербургѣ,
на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

жившуюся въ этихъ стихахъ, и пожелала, чтобы онъ самъ прочелъ ихъ вслухъ.

Ломоносовъ немедленно исполнилъ желаніе высокой посьтительницы; преклонилъ колѣна, поцѣловалъ руку ея, и съ чувствомъ и жаромъ прочелъ слѣдующее:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зрить сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому ПЕТРУ во слѣдъ, ЕКАТЕРИНА
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности сви-
дѣтель,

Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

Какъ ни славна была жизнь Ломоносова, но наступилъ тотъ часъ, который наступаетъ равно для богатаго и бѣднаго, умнаго и глупаго... Отъ смертнаго одра Ломоносова не отходила жена, дочь его и... Виноградовъ!.. первый другъ Ломоносова, какъ бы нарочно возвратившійся изъ-за краевъ Сибири, куда онъ ѣздилъ за учеными изслѣдованіями... Великолѣпные экипажи безпрестанно останавливались у подъѣзда дома, въ которомъ онъ жилъ,

и сама Императрица каждый день освѣдомлялась о состояніи больного.

Но неумолимая смерть приближалась да приближалась и безжалостно протягивала къ больному костлявую руку свою... Наконецъ 4-го Апрѣля 1765 года, на четвертый день Пасхи, Ломоносовъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ жену, благословилъ дочь и пожалъ руку другу... душа его отлетѣла въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни заботъ!...

Тѣло Михаила Ломоносова погребено въ Петербургѣ, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣвой рукѣ при входѣ въ монастырь.

На гробѣ его поставленъ мраморный столбъ съ русскою и латинскою надписями. Вотъ русская:

ВЪ ПАМЯТЬ

славному мужу

МИХАИЛУ

ЛОМОНОСОВУ,

родившемуся въ Холмогорахъ въ 1711 году,

БЫВШЕМУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,

ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
профессору,

СТОКГОЛЬМСКОЙ и БОЛОНЬСКОЙ
АКАДЕМІИ ЧЛЕНУ,

Разумомъ и науками превосходному, знатнымъ украшеніемъ Отечеству служившему;

КРАСНОРѢЧІА, СТИХОТВОРСТВА

и

ИСТОРИИ РОССІЙСКОЙ
УЧИТЕЛЮ,

Мусіи первому въ Россіи безъ руководства

ИЗОБРЕТATEЛЮ,

преждевременною смертію отъ Музъ и Отечества на
дняхъ святыхъ Пасхи 1765 года

ПОХИЩЕННОМУ,

воздвигъ сію гробницу

ГРАФЪ

МИХАИЛО ВОРОНЦОВЪ,

славя Отечество съ таковымъ гражданиномъ, и горестно
соболезнуя о его кончинѣ.

Если вы когда-нибудь, друзья мои, посѣтите
съ родителями вашими Александро-Невскую
лаву, то не забудьте остановиться у памят-
ника изъ бѣлаго мрамора и поклониться праху
великаго человѣка...

VIII.

Т Р У Д Ы.

За нѣсколько дней предъ своею кончиною, Ломоносовъ говорилъ господину Совѣтнику Штелину:

«Другъ мой! Я примѣчаю, что мнѣ скоро умереть: на смерть взираю равнодушно; но сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію, вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнуть вмѣстѣ со мною.»

*Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ.
С.-Петербургъ. 1772 года.*

VIII.

Труды.

Другъ дѣйствій Ломоносова былъ такъ обширенъ, что трудно понять, какъ у одного человѣка достало силъ душевныхъ и физическихъ для выполненія всего того, что дѣлалъ и сдѣлалъ Ломоносовъ—но за то онъ былъ гений!

Его занимали химія и поэзія, металлургія и словесность, физика и краснорѣчіе; древности Греціи, Рима, исторія и искусства! Будучи профессоромъ и членомъ Академіи, онъ читалъ лекціи и разсужденія о разныхъ ученыхъ предметахъ.

Изъ рѣчей, читанныхъ имъ, самая лучшая: *Похвальное Слово Петру Великому*; между огромнымъ множествомъ стихотвореній, писанныхъ, большею частію, по заказу, лучшія тѣ, которыя Ломоносовъ писалъ отъ души, по

внутреннему призванію. Между послѣдними особенно замѣчательна поэма: *Петръ Великій*. Онъ не рѣдко писалъ въ стихахъ и объ ученыхъ предметахъ. Сверхъ стихотвореній, которыя Ломоносовъ считалъ отдыхомъ послѣ тяжкихъ ученыхъ трудовъ, онъ написалъ еще: *Руководство къ краснорѣчію, Россійскую Грамматику, Краткій Россійскій Лѣтописецъ, Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ, Металлургію* и мног. друг.

Кромѣ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій у Ломоносова было еще, одно любимое, задушевное, относящееся къ искусствамъ занятіе, и именно: *Мозаика*.

Мозаическими картинами называются такія, въ которыхъ краски замѣняются мелкими разноцвѣтными стеклышками, съ искусствомъ и вкусомъ расположенными.

Въ нашей Петербургской Эрмитажной галереѣ есть нѣсколько такихъ картинъ: между ними особенно замѣчательна одна, скопированная съ знаменитой картины фламандскаго живописца Поль-Поттера, извѣстная подъ названіемъ: *Корова*. Эта мозаическая картина совершенство въ своемъ родѣ.

Ломоносовъ случайно увидѣлъ у одного изъ

Памятникъ М. В. Ломоносову.

въ Архангельскѣ.

вельможъ, а именно Графа Воронцова, такую мозаическую картину, и предприимчивый духъ его не прежде успокоился, пока ему самому не удалось добиться до того, что одинъ, безъ всякой помощи, сдѣлалъ нѣсколько мозаическихъ образчиковъ, которые были представлены Императрицѣ. Ломоносовъ получилъ привилегію на производство мозаическихъ картинъ, завелъ фабрику, и между тѣмъ дома собственноручно занимался огромной картиной, представлявшей Полтавскую битву и назначавшейся въ Петропавловскій соборъ.

Таковы были занятія безсмертнаго Ломоносова — таково могущество всеобъемлющаго гения!

К О Н Е Ц Ъ.

Торговля основана въ 1878 году.

— ❦ —

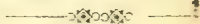
КНИГОПРОДАВЕЦЪ ИЗДАТЕЛЬ

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ МАРТЫНОВЪ.

Издатель собранія сочиненій русскихъ авторовъ:

Аксакова, С. Т., Григоровича, Д. В., Мея, Л. А.,
Островскаго, А. Н., Панаева, И. И., Фурмана, П. Р.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 46.

О книгахъ для наградъ ученикамъ.

Большая часть моихъ изданій сочиненій русскихъ авторовъ и другихъ полезныхъ книгъ одобрена Учеными Комитетами разныхъ Министерствъ и включена въ Нормальные Каталоги.

Изданія мои весьма удобны для выдачи въ награды ученикамъ при переходѣ изъ класса въ классъ или при окончаніи курса; для этой цѣли мною заготовлены изящные переплеты.

Предлагаю вниманію Гг. Преподавателей прилагаемый при семъ списокъ книгъ, внесенныхъ въ Нормальные Каталоги съ обозначеніемъ №№, подъ которыми онѣ помѣщены какъ для удобства при выборѣ, такъ равно и для провѣрки моего заявленія; равно предлагаю прочесть и нѣкоторые изъ отношеній, присланныя мнѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ одобреніями.

Въ виду того, что суммы, отпускаемыя на наградныя книги, теперь значительно уменьшены, я раздѣлилъ мои изданія сочиненій русскихъ авторовъ на отдѣльные томы и даже сочиненія, для того, чтобы составилъ подборъ подарковъ на различныя цѣны.

Кромѣ моихъ изданій я имѣю вообще хорошій подборъ книгъ разныхъ издателей и въ особенности русскихъ авторовъ, могу выслать каталогъ немедленно и выполнить заказъ скоро.

Учебнымъ Заведеніямъ, высылающимъ деньги впередъ, при требованіи, Магазинъ дѣлаетъ уступку 10% (кромѣ переплетовъ).—Пересылка насчетъ училища.

Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ.

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Отношеніе отъ 19 Ноября 1886 г. за № 16941.

Департаментъ Народн. Пр. увѣдомляетъ Васъ, М. Г., что опредѣленіями основнаго и особаго отдѣловъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. утвержденными, Г. Товар. Министра постановлено:

1. Семейную Хронику и воспоминанія С. Т. Аксакова, — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и въ учительскія библиотеки низшихъ учебн. заведеній.

2. Аленкій Цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова, — одобрить для ученическ. библиот. Народныхъ Училищъ.

3. Сочиненія П. Р. Фурмана. — а. Саардамскій Плотникъ. б. Ал. Данил. Меншиковъ, — одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебн. заведеній мужскихъ и женскихъ, о чемъ напечатано въ журналѣ Министерства.

Отношеніе отъ 27 Юня 1889 г. № 11128.

Департ. Н. Пр. увѣдомляетъ, что опредѣл. особаго отд. Ученаго Комитета М. Н. Пр. постановлено сочин. П. Р. Фурмана:

1. Григорій Александр. Потемкинъ. 2. Князь. Яковъ Оед. Долгоруковъ. 3. Александръ Васильев. Суворовъ-Рымникскій, — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ завед.

Отношеніе отъ 27 Ноября 1890 г.

Особый Отдѣлъ У. К. рассмотрѣлъ книгу П. Р. Фурмана: Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, включить въ каталогъ книгъ, допущенныхъ въ ученическія библиот. низшихъ училищъ.

Отношеніе отъ 17 Сентября 1882 г. за № 1063.

Особый Отдѣлъ Учен. К. рассмотрѣлъ книгу. — О нашихъ перелетныхъ птицахъ, соч. профессора Кайгородова, чтеніе для народа, — призналъ названную книгу заслуживающею одобренія для ученическихъ библиотекъ низшихъ учил. и для народныхъ публичныхъ чтеній.

Отношеніе отъ 16 Августа 1885 г. за № 12450.

Особый Отд. Уч. К. рассмотрѣлъ книгу подъ заглавіемъ „О вѣтрѣ, составилъ народный учитель О. Тясто“, призналъ возможнымъ допустить означенную книгу въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

Отношеніе отъ 15 Октября 1891 г. за № 17507.

Особый Отд. Уч. Ком. постановилъ соч. Фурмана: Наталья Борисовна Долгорукова. — Петръ Ждановъ, — одобр. для ученическихъ библиотекъ, — низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Отъ Комитета Грамотности.

Отношеніе отъ 19 Февраля 1890 г. за № 56.

Представленіе Комитета Грамотности о присужденіи большой золотой медали имени А. О. Погоскаго Дмитрію Васильевичу Григоровичу за его святочный рассказъ „Прокрохъ“; единогласно утверждено Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ собраніи 15 Февраля 1890 года.

„Рецензіи сочиненій П. Р. ФУРМАНА“.

Что читать народу.

Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. (Составленъ учителями Воскресныхъ школъ). Т. 1-й, 2-е изд. 1888 г. Ц. 2 р. Т. 2-й. 1889. Ц. 2 р.

Саардамскій плотникъ, — и Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Заглавія названныхъ выше повѣстей Фурмана ничего не говорятъ теперешнимъ дѣтямъ и юношеству: они для нихъ просто названія вновь появившихся книгъ. Но сколько хорошихъ воспоминаній изъ далекаго дѣтства соединено съ этими именами у людей не молодыхъ. Повѣстей Фурмана около 30 лѣтъ почти небыло въ продажѣ; немудрено поэтому, что къ нимъ отнесутся, какъ къ новинкѣ, но при просмотрѣ тотчасъ замѣчается, что онѣ наслѣдіе добраго стараго времени, когда книги какого бы то ни было содержанія непремѣнно должны были заключать нравоучительныя страницы, обращенія къ милымъ дѣтямъ. Относясь къ повѣстямъ Фурмана съ требованіями нашего времени, и теперь по сравненію ихъ съ *большою частію историческихъ повѣстей*, фабрикуемыхъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, придется за ними оставить ихъ *прежнее почетное мѣсто*. Въ народной библиотекѣ «Саардамскій плотникъ» будетъ одною изъ любимыхъ книгъ. Живое интересное описаніе жизни Царя-Плотника среди голландскихъ рабочихъ заставлястъ простить и нѣкоторую напыщенность, въ изображеніи отдѣльных фигуръ и сценъ. Біографія Меншикова отличается тѣми же достоинствами. Безобразныя картинки стараго изданія замѣнены гравюрами-снимками съ старинныхъ гравюръ. *Объ книги желательны въ народной библиотекѣ.*

Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ историческія повѣсти Фурмана занимали видное мѣсто въ дѣтской литературѣ. „Меншиковъ“, „Ближній бояринъ Матвѣевъ“, „Саардамскій Плотникъ“ читались съ наслажденіемъ и не въ одной дѣтской душѣ впервые пробудили любовь къ историческому чтенію.

По содержанію своему, описываемымъ историческимъ событіямъ и лицамъ повѣсть Фурмана „Наталья Борисовна Долгорукая“ совершенно сходна съ очеркомъ Толычевой. Благодаря формѣ своей (повѣсть) и простотѣ изложеній, *читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ названный очеркъ Толычевой.*

Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ.

Это не только біографія энегичнаго, самостоятельнаго сподвижника царя-преобразователя, но вѣрнѣе—очеркъ того времени, нѣ которое онъ жилъ. Такъ, находимъ мы описаніе появленія первыхъ газетъ—курантовъ, „посредствомъ которыхъ русскія нелюбимы и самъ царь слѣдили за ходомъ европейскихъ дѣлъ“, далѣе—учрежденіе почты. Въ числѣ другихъ подробностей авторъ говоритъ о цѣнахъ, взимавшихся тогда за письма; тогдашнія цѣны приведены нѣ алтынахъ и деньгахъ. Вредъ, нелѣпость мѣстничества и церемонія сожженія разрядныхъ книгъ описаны очень живо, также какъ и характеристика Долгорукаго, наиболѣе цѣнимаго царемъ совѣтника и въ тоже время нѣрѣдко послушника его воли, когда приказанія Петра казались ему противорѣчащими интересамъ государства. «Царю правда—лучшій слуга», говорилъ Долгоруковъ и всегда поступалъ по этимъ словамъ, иногда съ опасностью жизни для себя, такъ какъ вспыльчивый Петръ не терпѣлъ противорѣчій. Приведены характерныя примѣры «послушаній» Долгорукова и письмо его къ царю, въ которомъ онъ проситъ за своихъ родственниковъ, осужденныхъ по дѣлу царевича Алексѣя. Въ послѣдней части книги рядомъ съ Долгоруковымъ рельефно выдѣляется и образъ Петра.

Книгу эту слѣдуетъ давать читателямъ, знакомымъ уже съ Петромъ и его временемъ. Читается она и передается прекрасно и школьниками, но несомнѣнно по содержанію имѣетъ болѣе значенія для взрослыхъ. По содержанію, хорошему изложенію и сравнительной дешевизнѣ книга заслуживаетъ особаго вниманія.

Наша дѣтская литература.

Опытъ бібліографіи современной отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи. Составилъ Ф. Толь. Спб. 1662. Ц. 1 р. 50 к.

Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ.

Хотя эта повѣсть написана для дѣвицъ, однако прочтется съ большою пользою и удовольствіемъ и мальчиками.

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть П. Фурмана.

Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческій романъ для дѣтей, въ трехъ частяхъ.

Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Историческая повѣсть для дѣтей.

Хорошія біографіи, какъ-разъ приходящіяся въ нашъ планъ дѣтскаго чтенія. *Смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ, какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Изданіе Н. Г. МАРТЫНОВА.

СОЧИНЕНІЯ ПЕТРА РОМАНОВИЧА ФУРМАНА:

Всѣ книжки помѣщены въ каталогѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ №№ 1187—1193.

I. СААРДАМСКІЙ ПЛОТНИКЪ.

Повѣсть. Съ 9 картинами, рѣзанными на деревѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Незнакомецъ.—Мейстеръ Баундвигъ.—Заложеніе корабля.—Первое жалованье.—Вильгельмъ-покупщикъ.—Зубной врачъ.—Протулка по корю.—Спускъ корабля.—Голландецъ и французъ.—Путешествіе въ трубу.—Тщетныя увѣщанія.—Обвиненіе.—Защитники.—Великій Царь.

Цѣна съ картинами 75 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

II. АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

Историческій романъ въ 3 частяхъ, съ 14 картинами, рѣзанными на деревѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Ч. I-я—Счастье и заслуги.—Пѣсни пирожника.—Первый шагъ.—Заговорщики.—Счастливая мысль.—Хитрость Меншикова.—Неустранимость Петра.—Заслуги Меншикова и блистательное повышение его.—Мать и сынъ.—Ч. II-я—Честолюбіе и корыстолюбіе.—Избытокъ счастья.—Милостивъ судъ царя.—Еще судъ.—Неиссытное корыстолюбіе.—Смерть Петра.—Хорошая и дурная сторона.—Первая нежизнь. Ч. III-я—Несчастье и искушенія.—Изгнаніе.—Выгнать изъ столицы.—Смысла.—Вѣрный слуга.—Новыя страданія.—Сѣверное сіяніе.—Послѣднее пристанище.

Цѣна съ картинами 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

III. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Съ картинами.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Ч. I—Молодость.—Праздникъ Боговиленія.—Гриша.—Антипучъ.—Дуляша.—Прощаніе.—Отъѣздъ въ Москва.—Разлука.—Письмо Гриши.—Драка и дружба.—Жить значить трудиться.—Переѣзъ званія. Ч. II.—Блистательная судьба. Темный.—Старый слуга.—Поиски.—Странное намѣреніе.—Жалобы завыстниковъ.—Путешествіе Императрицы.—Буря.—Неустранимость.—Императрица на роднѣхъ Потемкина.—Война съ турками.—Великолѣпный пиръ.—Закатъ солнца.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

IV. АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Ч. I. Завѣтъ.—Нелюбимъ.—Мнѣнія стариковъ.—Заступникъ.—Благо-словеніе отца.—Молодой солдатъ.—Письмо Александра Суворова къ своему отцу.—Часовой.—Суворовъ на войнѣ.—Въ ясу.—Барская конфедерация.—На балу.—Слово Государыни.—Побѣдители не судятъ.—Голосъ народа.—Пугачевъ. Ч. II.—Катихизисъ Суворова.—Кибурукъ.—Очаковъ.—Фокштаты.—Рымникъ.—Измаилъ.—Ваяте Измаила.—Выстрѣлъ отъѣтъ.—Кукарику.—Побѣда въ Полыпѣ.—Прага и Варшава.—Донесеніе и отъѣтъ.—Фельдмаршалъ.—Горестное событіе.—Спасатель царей.—Въ Италиі.—Въ Швейцаріи.—Тайное сообщеніе.—Слава, Слава, Слава.—Заключеніе.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р.

У. КНЯЗЬ ЯКОВЪ ФЕДОРОВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Два всадника.—Призваніе.—Первая служба.—Уничтоженіе мѣстныя.—Дѣя жертвы стрѣльцовъ.—Аудіенція.—Таможенный осмотръ.—Переговоры.—Отвѣтная грамота.—Въ Испаніи.—Правленіе царевны Софіи. Ч. II. Война съ Турціею.—Петръ I и Карлъ XII.—Дважды два четыре.—Держайте люде! Во имя.—Царю правда лучший слуга.—Любите Царя, любите Отечество.—Служите, такъ не карайте.—Голландскіе купцы.—Указъ Государевъ.—Государь Отецъ.—Письмо Князя Долгорукова.—Китайская пѣхота.—Везъ вины виноваты.—Горестъ Петра Великаго.—Три голоса.

Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 50 к.

VI. ПЕТРЪ ЖДАНОВЪ, МОСКОВСКІЙ КУПЕЦЪ.

Историческій рассказъ изъ отечественной войны 1812 года.

Осада и пожаръ Москвы.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Осада Москвы.—Пожаръ.—Москвичъ герой.—Юродивый.—Наполеонъ.—Мученики.—Раздача билетовъ.—Искуситель. Ч. II. Освобожденіе.—Страшное подозрѣніе.—Измѣнникъ.—Смѣлый шагъ.—Честный поступокъ купца Жданова.—Князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ-Смоленскій.—Свидѣтельство.—Взѣсто французовъ изъ Москвы.—Кириллычъ.

Цѣна съ картинками 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп., въ коленк. пер. 1 р. 75 к.

VIII. НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКОВА.

Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Ч. I. Дочь знатака вельможи.—Ворьба сильныхъ.—Долгорукова.—Честъ и лѣсть.—Престолъ.—Императрица.—Государыня неистая. Земное счастье.—Облако на горизонтѣ.—Погрѣбенеіе Петра II. Ч. 2. Еще торжественная процессія.—Самодержавіе.—Свадьба.—Визиты.—Ольгадъ.—Начало путешествія.—Манифестъ.—Мужъ и жена.—Минулы одиночества.—Суматоха въ деревнѣ.—Женская натура.—Разбойники. Ч. III. Наба.—Опять въ путь.—Копѣчка.—Буря.—Ураль въ 1730 г.—Тобольскъ.—Арестанты.—Князь и крестьянинъ.—Березовскій острогъ.—Черковь.—Дѣти.—Опять Топорниковъ.—Обручальное кольцо.—Вѣчный покой.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

IX. СЫНЪ РЫБАКА МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

Повѣсть съ картинками и портретомъ Ломоносова.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Дожь родительскій.—Сѣверное сімье.—Москва.—Училище.—Заграничій.—Солдаты.—Слани.—Труды.—Изъ сочиненій Ломоносова.—Оды.—Переложеніе псалмовъ 14 и 26.—Вечернее размышленіе о Божьихъ величій.—Оды, выбранныя изъ Гоа.—Оды государыни императрицы Елизаветы II.

Цѣна съ картинками 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

X. СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Нарва. — Нарвская легенда. — Ученикъ тесемочнаго мастера.—Паганини. Биограф. очеркъ. — Столяръ и кружевница, рассказы.

Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

На перес. прилагаютъ по 15 к. на книжку

Всѣ 10 томовъ переплетены въ 2 книги, продаются за 10 р., въ перепл. 11 р., въ издѣн. коленк. перепл. съ золоченіемъ, 12 р., каждая книга въ переплѣтъ по 6 р.

Сочиненія Дмитрія Васильевича Григоровича.

Повѣсти и рассказы для дѣтскаго чтенія (для средняго и старшаго возраста, съ портретомъ автора). Ц. 2 р. 50 к., въ папкѣ съ коленкоровымъ корешкомъ 2 р. 75 к., въ полномъ коленк. пер. 3 р.

Повѣсти и рассказы для народнаго чтенія, съ портретомъ автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкор. пер. 1 р. 75 к.

Повѣсти, рассказы и очерки. 1848—1849 гг. (Лучшіе мелкіе рассказы), съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

Проселочныя дороги. Романъ безъ нитрити. 2 тома. 1889 г. Цѣна 3 р. 50 к. въ перепл. 3 р. 50 к.

Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта. Ц. 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.

Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта въ 5 част. Ц. 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплѣтѣ 3 р. 50 к.

Два генерала. Романъ изъ современной жизни. Цѣна 1 р. 25 к.

Корабль Ретивизанъ (тогда въ Европѣ и на Европ. моряхъ).

Путевыя впечатл. и воспомин. Ц. 2 р., въ коленк. пер. 2 р. 75 к.

Акробаты благотворительности.

Повѣсть. Ц. 75 к.

Алексѣй Чemezovъ. (Недолгое счастье). Повѣсть. Ц. 50 к.

Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к., тоже въ перепл. 1 р. 50 к.

Бобыль. Рассказъ. Ц. 20 к.

Въ ожиданіи паромъ. Рассказъ. Ц. 20 к.

Гуттаперчевый мальчикъ. Повѣсть. Ц. 75 к.

Деревня. Повѣсть. Ц. 50 к.

Зимній вечеръ. Повѣсть на новый годъ. Ц. 50 к.

Капельмейстеръ Сусликовъ. Повѣсть. Ц. 30 к.

Карьеристъ, очеркъ—Сонъ Карелина. Ц. 30 к.

Кошка и мышка. Повѣсть. 40 к.

Лотерейный балъ. Повѣсть. 20 к.

Мать и дочь. Осен. разск. 15 к.

Не по хорошему милъ—по милу хорошъ. Ц. 75 к.

Неудавшаяся жизнь. Пов. 50 к.

Очерки современныхъ нравовъ.

Юмористическія замѣтки. Ц. 25 к.

Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к.

Пахатникъ и бархатникъ. Со-

вѣсть. Ц. 40 к.

Петербургскіе шарманщики. Нра-

воописательный очеркъ. Ц. 20 к.

Почтенные люди, обремененные

многочислен. семействомъ. 25 к.

Похожденія Накатова, или пе-

долое богатство. Ц. 75 к.

Прохоній. Святочн. разск. 40 к.

Свиистульничъ. Физиолог. очеркъ.

Ц. 60 к.

Свѣтло - Христово - Воскресеніе.

Простонародное повѣрье. Ц. 20 к.

Скучные люди. Физиологическій

очеркъ. Ц. 20 к.

Смедовская долина. Разск. 20 к.

Сосѣдка. Рассказъ. Ц. 20 к.

Статьи о художествѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Столичный воздухъ. Эскизъ пе-

тербургск. нравовъ. Комед. въ

1 д. Ц. 50 к.

Столичные родственники. По-

вѣсть. Ц. 75 к.

Четыре времени года. Повѣсть.

Ц. 50 к.

Школа гостепріимства. Повѣсть.

Ц. 40 к.

Полное собраніе сочиненій, съ портрет. автора. 10 томовъ 15 р., въ перепл. 17 р. и 18 р. въ коленк. переплѣтъ по 2 тома въ свѣтъ 20 р.

Сочинения и переводы Льва Александровича Мей.

Первое полное собрание сочинений, съ портретомъ автора и биографическимъ очеркомъ. 5 томовъ. Ц. 12 р. 50 к., перепл. 17 р. 50 к.

Каждый томъ и каждое сочинение продаются отдѣльно.

Лирическія стихотворенія съ портретомъ автора, грав. на стали. 1. Изъ русской жизни.—2. Изъ духовнаго міра.—3. Изъ древняго міра.—4. Изъ преданія и современной жизни.—5. Лицейскія стихотворенія. Примѣчанія. Автографы—съ приложеніемъ статьи: Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ. Критико-Биографическій очеркъ. Ц. 3 р., въ изъясн. перепл. 4 р.

Переводы лирическихъ стихотвореній съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго и украинскаго. — Анакреонъ, Θεοκρίτης, Мильтонъ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Гейне, Андре Шенье, Викторъ Гюго, Густавъ Надо, Дюпонъ, Мицкевичъ, Кондратовичъ, Шевченко и пр., съ портр. Мей, грав. на стали. Ц. 3 р., въ изъясн. перепл. 4 р.

Драматическія сочиненія и переводы съ историческими примѣчаніями. Сочиненія оригинальныя: Царская нѣвѣста. Псковитянка. Сервалля. — Переводы: Шиллера: Дмитрій Самозванецъ. Лагерь Валленштейна. Шекспира: Буря. Съ портретомъ Мей. Ц. 3 р., въ изъясн. коленкор. перепл. 4 р.

Повѣсти, разказы и статьи. Охота.—Кирилычъ.—Софья.—Казусъ.—Лѣсныя диковинки.—Швейка.—На паперти.—Гривенникъ.—Чубукъ.—Батя.—Хмара.—Статьи различнаго содержанія. Съ портр. автора. Ц. 3 р., въ изъясн. перепл. 4 р.

Сборникъ переводовъ въ прозѣ. Переводы съ польскаго, чешскаго, англійскаго и французскаго языка. Предчувствіе, съ польскаго. Янъ изъ Непомукъ. Чешская легенда. Святочная пѣсня, Диккенса. Украденныя часы, Френча. Дочь миссіонера, Котца. Таинствен. происшествіе Фонъ-Джеральди, Гозлана. Съ портрет. Мей. Ц. 1 р. 50 к.

Батя. Правдив. разск. Ц. 40 к.

Гривенникъ. Неправдоподобное событіе. Ц. 30 к.

Кирилычъ. Повѣсть. Ц. 30 к.

На паперти (Изъ дневника XXX). Разказъ. Ц. 30 к.

Батрачна. Повѣсть Т. Шевченка въ стихахъ, съ портретомъ автора, переводъ съ украинскаго Л. А. Мей. Ц. 10 к.

Предчувствіе. Разказъ Камергера Короля Станислава, перев. съ польскаго Л. А. Мей. Ц. 20 к.

Святочная пѣсня въ прозѣ. Сочиненіе Чарльза Диккенса, съ портретомъ автора, переводъ Л. А. Мей. Ц. 40 к.

Левъ Александровичъ Мей. Биографическій очеркъ и оцѣнка его произведеній, съ портр. (гравир. на стали) и автогр. Состав. В. Р. Зотовъ. Ц. 30 к. На лучшей бумагѣ съ 2-мя портр. и автогр. Ц. 75 к.

ИЗДАНІЯ КНИГОПРОДАВЦА

НИКОЛАЯ ГАВРИЛОВИЧА МАРТЫНОВА.

Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. № 46.

Для составленія и пополненія библиотекъ учебныхъ заведеній и для выбора книгъ въ награды ученикамъ, а также къ обращенію въ войскахъ—Министерство Народнаго Просвѣщенія и Главный Штабъ Военнаго Министерства, издали въ 1889 году обязательные нормальные каталоги, въ которыхъ одобрены, рекомендованы и помѣщены слѣдующія изданія Н. Г. Мартынова.

ОПЫТЪ КАТАЛОГА УЧЕНИЧЕСКИХЪ БИБЛИОТЕКЪ

Средн. учебн. завед. Вѣдомства Минист. Народн. Просв. Ц. 35 к. с.

Сочиненія СЕРГѢЯ ТИМОФЕЕВИЧА АКСАНОВА.

(Нумера по каталогу Министерства Народнаго Просвѣщенія).

1115. Дѣтскіе годы Багрова-внука. Ц. 1 р. 25 к.

1116. Семейная хроника и воспоминанія. Ц. 1 р. 75 к.

1205. Полное Собраніе Сочиненій 6 томовъ. Ц. 12 р. 50 к., въ переплетахъ 15 р. и 16 р. 50 к.

Аленькой цвѣточекъ. Сказка. Цѣна 10 к.

Сочиненія ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИГОРОВИЧА.

737. Корабль Ретвизанъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія. Годъ въ Европѣ и на Европейскихъ моряхъ. Ц. 2 р.

1124. Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к.

1125. Прохожіи. Разказъ. Ц. 40 к. (Комитетъ грамотности присудилъ автору золотую медаль имени Погосскаго).

1126. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Ц. 20 к.

1127. Кошка и мышка. Повѣсть. Ц. 40 к.

1213. Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к.

1214. Бобыль. Разказъ. Ц. 20 к.

1215. Гуттаперчевый мальчикъ. Ц. 75 к.

1216. Мать и дочь. Осенній разказъ. Ц. 15 к.

1217. Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта. Ц. 2 р. 50 к.

1218. Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта. Ц. 2 р.

1219. Смедовская долина. Разказъ. Ц. 20 к.

1291. Полное Собраніе Сочиненій. Новое изд. 10 т. Ц. 15 р., въ переплетахъ 17 р., 18 р. и 20 р.

1291. Повѣсти и разказы для дѣтскаго чтенія, для средняго и стараго возрастовъ, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА МЕЯ.

1318. Полное собраніе сочиненій съ 2 порт. автора, 5 т. Ц. 12 р. 50 к., въ пер. 14 р. 50 к. и 15 р. 50 к., 17 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно ц. 3 р. въ пер. 4 р.
1525. Святочная пѣсня въ прозѣ. Скупой Скрудзь, соч. Чарльза Диккенса, съ портрет. автора, переводъ Л. А. Мея. Ц. 40 к.

Сочиненія ПЕТРА РОМАНОВИЧА ФУРМАНА.

Историческая бібліотека. — Разказы изъ отечествен. исторіи.

1187. Александръ Васильевичъ Суворовъ - Рымникскій. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р., 50 к. въ пер. 2 р.
1188. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческ. романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1189. Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Историч. пов. въ 2 частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1190. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. Повѣсть въ 2 част. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
1191. Князь Яковъ Оеодоровичъ Долгоруковъ. Истор. пов. въ 2 ч. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
1192. Наталья Борисовна Долгорукова. Истор. пов. въ 3 частяхъ. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
1193. Саардамскій плотникъ. Истор. пов. въ 3 част. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
1194. Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.
- Московский купецъ Петръ Ждановъ. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к. въ пер. 1 р. 75 к.

Изданія Н. Г. МАРТЫНОВА.

361. Исторія Тверскаго Княжества съ приложениями и родословн. таблицами, соч. В. С. Борзаковскаго. Сочиненіе это удостоено преміи графа Уварова. Ц. 3 р. въ переплетѣ 4 р.
904. Основныя понятія «химіи» профессора А. Бутлерова. Ц. 40 к.
731. Очерки Японіи, соч. М. П. Венюкова. Ц. 1 р. 50 к.
788. Начальныя основанія сферической геометріи и сферической тригонометріи, соч. А. Дмитриева. Ц. 75 к.
871. О нашихъ перелетныхъ птицахъ, съ рисунками, 2-е изданіе. Сочиненіе Д. Н. Кайгородова. Ц. 20 к.
1369. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1786. Изслѣдованіе профес. А. И. Незеленова. Ц. 2 р. 50 к.
1370. Островскій въ его произведеніяхъ.—Первый періодъ дѣятельности — до историческихъ хроникъ, соч. профессора А. И. Незеленова. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к.
259. Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтителі Славянъ, сочиненіе П. Рогова. 10 г.

- Училищная бібліотека съ учебными примѣчаніями и вопросами для изученія. Вып. I. Горе отъ ума. Грибоедова. Ц. 12 к.
1271. Вып. II. Недоросль, ком. Фонъ-Визина. Ц. 12 к. Вып. III.
1346. Бригадиръ, комедія Фонъ-Визина. Ц. 15 к.; въ переплетѣхъ по 55 к. за книжку; за всѣ три вмѣстѣ въ красивомъ переплетѣ 90 к.
- 1200.

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ Училищахъ
Вѣдомства Минист. Нар. Просвѣщ. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Аксакова, С. Т. Аленькій цѣточекъ, сказка. Ц. 10 к. — Семейная хроника и воспоминанія. Ц. 1 р. 75 к. Дѣтскіе годы 1 р. 25 к.

Григоровича, Д. В. Пахарь, повѣсть. Ц. 30 к. — Прохожій, разказъ. Ц. 40 к. — Четыре времени года, пов. Ц. 50 к. — Мать и дочь, осенній разказъ. Ц. 15 к. — Смедовская долина, разск. Ц. 20 к.

«Повѣсти и разказы для народнаго чтенія». Всѣ пять разказовъ собраны вмѣстѣ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ портр. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Фурмана, П. Р. Историческая бібліотека. Разказы изъ отечественной исторіи. — Князь Яковъ Оеодоровичъ Долгоруковъ. Ц. 75 к. — Саардамскій плотникъ, пов. Ц. 75 к. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Ц. 1 р. 25 к. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Ц. 1 р. 25 к. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. Ц. 1 р. 25 к. Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Ц. 1 р. 25 к. Наталья Борисовна Долгорукова. 1 р. 25 к. Московскій купецъ Петръ Ждановъ. 1 р.

Рогова, П. Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтителі Славянъ. Ц. 10 к. — Начало Руси и Владиміръ Свѣтой. Ц. 10 к.

Кайгородова, Д. О нашихъ перелетныхъ птицахъ — съ рис. Ц. 20 к.

Тясто, В. Народный учитель «О вѣтрѣ». Чтеніе для народа. Ц. 10 к.

КАТАЛОГЪ ГЛАВНАГО ШТАБА.

Каталогъ книгъ, одобренныхъ къ обращенію въ войскахъ для первоначальнаго образованія и развитія нижнихъ чиновъ. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.

Циркуляръ Главнаго Штаба отъ 4 Декабря 1889 г. за № 277.

Аксаковъ, С. Т. Аленькій цѣточекъ. Сказка съ портр. Ц. 10 к.

Григоровичъ, Д. В. Повѣсти и разказы для народнаго чтенія. Въ каждой книжкѣ помѣщенъ портретъ автора.

Антонъ Горемыка. Повѣсть. Ц. 60 к. — Бобыль. Разказъ. Ц. 20 к. — Въ ожиданіи парма. Разказъ. Ц. 20 к. — Древняя. Разказъ. Ц. 50 к. — Зимній вечеръ. Повѣсть. Ц. 50 к. — Кошна и мышна. Повѣсть. Ц. 40 к. — Мать и дочь. Разказъ. Ц. 15 к. — Пахатинъ и бархатинъ. Повѣсть. Ц. 40 к. — Свѣтлое Христово Воскресеніе. Ц. 20 к. — Пахарь. Повѣсть. Ц. 30 к. — Прохожій. Разказъ. Ц. 40 к. — Смедовская долина. Разказъ. Ц. 20 к. Четыре времени года. Повѣсть. Ц. 50 к.

Веселовскій. Русское правописаніе. — Руководство и справочная книга для учениковъ народнои школы. Ц. 30 к.

Животовской, Н. Отчего и какъ движется паровозъ по желѣзной дорогѣ. Чтеніе для народа съ 14 рисунками. Ц. 20 к.

Рогова, П. М. Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтителі Славянъ. Ц. 10 к. Начало Руси и Владиміръ Свѣтой. Разказъ изъ Отечественной исторіи. Ц. 10 к.

Всѣ три упомянутые здѣсь каталога высылаются за 1 руб. сер.

Большая часть книгъ заготовлена въ изящныхъ переплетѣхъ для наградъ ученикамъ. Переплеты считаются: сафьяновый корешокъ 40 к., шпательный 60 и 75 копѣекъ, оленкоронный съ золоченіемъ по 75 и по 1 р. за томъ. Можно переплести по два тома, вмѣстѣ. Полный каталогъ изданій Н. Г. Мартынова выдается бесплатно иногородн. за 7 к. м. Пересылка книгъ на счетъ покупателя.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ ДЛЯ НАГРАДЪ И ПОДАРОКОВЪ.

НОВАЯ РУССКАЯ АЗБУКА.

Съ картинками, раздѣленная на 33 урока «Маленькая дѣтская энциклопедія», составлена *А. К. Владиміровой*.

Содержаніе «Азбука и первое чтеніе»: Собраніе молитвъ и заповѣдей. — Разсказы, басни и сказки. — Первые четыре дѣйствія ариеметики. — Объясненія продуктовъ и проч. предметовъ, окружающихъ дѣтей; ихъ производство и добываніе.

Книга эта даетъ наставницѣ массу матеріала для оживленной бесѣды съ маленькими дѣтьми, систематически развиваетъ ихъ мышленіе и облегчаетъ способы приступить къ школьнымъ занятіямъ. Цѣна въ пашѣ 1 р.

КНИЖКА-УЧИТЕЛЬНИЦА.

Постепенное чтеніе для дѣтей, съ указаніемъ нѣкоторыхъ педагогическихъ приѣмовъ съ примѣрами разборовъ. Цѣна 50 к., въ изящномъ перепл. 1 р. Нигу эту составилъ извѣстный нашъ педагогъ *Мих. Бор. Чистяковъ*.

Отглавленіе. — Предисловіе къ дѣтямъ. — Образчики разборовъ. — Образчики того, какъ слѣдуетъ пересказывать прочитанное. Повѣсти, разсказы, басни и сказки: Мать и дѣти. — Голова и хвостъ. — Не завидуй. — Не обольщайтесь ласками. — Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. (Крыловъ). — Василекъ. (Крыловъ). — Воротъ. — Золотія дѣти. (Сказка). — Ледовитый океанъ и бѣлый медвѣдь. — Тундра. Самодѣды. — Сѣверное сіяніе. (Козловъ). — Весна въ Финляндіи. (Баратынскій). — Москва — деревня. (Загоскинъ). — Нескучное. (Загоскинъ). — Пожаръ Москвы, 1812 года. (Загоскинъ). — Охота при Петрѣ Великомъ. (Загоскинъ). — Весна и сѣнокосъ. (Майковъ). — Полѣсье. (Тургеневъ). — Урожай. (Кольцовъ). — Листы и корни. (Крыловъ). — Скальдъ на пиру у Владиміра. (Загоскинъ). — Пиръ у Владиміра и Монастырь въ Кіевѣ. (Пушкинъ и Козловъ). — Дѣлпровскіе пороги. — Колокольчики. (Толстой). — Изъ казашкой жизни. (Гоголь). — Конь. (Языковъ). — Домъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. (Гоголь). — Дѣтство Татьяны. (Пушкинъ). — Старинный помѣщичій домъ. (Гончаровъ). — Кто онъ? (Майковъ). — Русскій бояринъ XVI вѣка. (Толстой). — Степной конь. — Іоаннъ IV на охотѣ. (Толстой). — Наводненіе Петербурга. (Пушкинъ). — Болѣзнь. (Аксаковъ). — Прїѣздъ боярина въ монастырь. (Лермонтовъ). — Первая весна въ деревнѣ. (Аксаковъ). — Младенецъ и разбойникъ. (Жуковскій). — Изъ поѣздки на Кавказъ. (Пушкинъ). — Ауль. (Пушкинъ). — Военно-грузинская дорога. (Пушкинъ). — Утро въ горахъ. (Лермонтовъ). — Переездъ черезъ горы Грузіи. (Пушкинъ). — Обвалъ. (Пушкинъ). — Гора Араратъ. — Быть черкеса. (Пушкинъ).

Сказки и повѣсти для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, соч. *А. К. Владиміровой* съ карт. Книга весьма интересна и разнообразна по содержанію.

Подарокъ дѣтямъ. Смѣшное и полезное. Тринадцать разсказовъ съ карриатурами, пер. съ англ. *А. Еврейновой*. Ц. 1 р. 50 к.

Винювата ли она. Повѣсть *Н. Д. Бллова* (автора многихъ педагогическихъ сочин.). Ц. 75 к., въ коленкор. пер. 1 р. 50 к.

Юные путешественники по Нилу. Сочин. *А. Баумана*, перев. съ англійск. *Л. Еврейновой*, съ прекрасными рисунками худ. *Б. Рейнгарда* Ц. 2 р., въ красивомъ перепл. 2 р. 75 к.

Важнѣйшія науки въ ихъ примѣненіи къ удобствамъ и пользѣ челоуѣка. Иллюстрированное изящное изданіе съ 286 большими рисунками. — Научное, занимательное и удобопонятное изложеніе свойства тѣла, объемовъ вѣса, законовъ движенія, скорости и силы. — Простыя и сложныя машины. — Устройство паровыхъ машинъ. — Свѣтъ, звукъ, теплота, газъ, паръ, жидкость, мореходныя и желѣзнодорожныя машины, движенія по водѣ и по земной поверхности. Большой томъ, въ 8о, 386 стр. и 286 рисунокъ. Ц. 3 р., въ изящномъ код. пер. 4 р.

Затруднительные случаи въ русскомъ правописаніи, съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ. Составленъ преподавателемъ русскаго языка и словесности Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи и Военно-Учебныхъ заведеній *Н. Успенскимъ*. Изд. 2-е. Цѣна 25 к.

Русское правописаніе. Слова. Руководство и справочная книжка для учениковъ Народныхъ училищъ, а также для первыхъ классовъ гимназій, пансіоновъ и городскихъ школъ. Состав. *В. А. Веселовскій*. Ц. 30 к.

Учебное пособіе при изученіи литературныхъ образцовъ. Составилъ *А. Н. Чудиновъ*. Первая группа басенъ. Систематическій подборъ литературныхъ образцовъ для разбора, всѣ нужныя при этомъ теоретическія и историкобиографическія свѣдѣнія, объясненія встрѣчающихся словъ, планы каждаго образца, темы для катехизаціи разбора его и темы для самостоятельныхъ классныхъ работъ по каждому изъ образцовъ, которые могли бы исполняться учениками какъ устно, такъ и письменно.

Пособіе это удобно для самообученія, въ концѣ каждаго образца приведены темы и вопросы. — Основаніемъ при выборѣ образцовъ исключительно приняты указанія программъ Министер. Народ. Просв. и Главн. упр. Военно-учебн. заведеній.

Игры, занятія и опыты для дѣтей. — Зимняя книжка.

I. Описаніе совершенно разнообразныхъ 70 игръ въ комнатѣ. Игры съ движеніемъ. Игры съ движеніемъ рукъ. Игры безъ движенія. Игры мячемъ. Игры на бумагѣ. Игры съ угадываніемъ. II. Занятія: Складываніе, перегибаніе, плетеніе, вырѣзываніе, выкалываніе, — рисованіе, раскрашиваніе, декалькоманія, клейка, лѣпка, отливка — кристалломанія, 20 различныхъ занятій. III. Опыты по естественнымъ наукамъ: Механика. — Электричество. — Гальванизмъ. — Свѣтъ. — Звукъ. — Слухъ. — Акустика. — Магнитъ, его свойство и приготоовл. игрушекъ. Въ книгѣ много рисунокъ и чертежей. Многія изъ игръ и занятій весьма интересны и для взрослыхъ. Ц. 1 р., въ коленкор. пер. 1 р. 50 к.

Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Для педагоговъ и родителей, составилъ *К. Н. Модзалевскій*. Цѣна за оба тома 4 р.

Т. I. До Христіанская и Христіанская эпохи. Эпоха возрожденія классцизма. Т. II. Новѣйшій періодъ Христіанскаго гуманнаго воспитанія.

Отдѣльно: Историческое значеніе Христіанства для воспитанія Ц. 40 к.

Янъ Амъ съ Каменскій Очеркъ съ портретомъ Ц. 20 к.

КНИГИ ДЛЯ НАГРАДЪ УЧЕНИКАМЪ.

безъ переп. въ переп.

Борзакъовскій, В. С. Исторія Тверскаго княжества . . .	3 —	3 50
Баумзинъ, А. Юные путешественники по Нилу . . .	2 —	2 75
Гоголь со стороны отечествен. науки статьи Аристова. . .	1 50	2 —
Классовскій, В. Помпея и открытыя въ ней древности. . .	4 —	4 75
Ковалевскій, Ев. Война съ Турціей	2 —	2 75
Незеленовъ, А. И. Профес. Тургеневъ въ его произвед. . .	1 50	2 25
Островскій въ его произведеніяхъ	1 50	2 25
Литератур. направ. въ Екатерининскую эпоху. . .	2 —	3 —
Рамбо, А. Живописная Исторія древней и новой Россіи. . .	5 —	6 —
Байронъ. Собраніе сочиненій 3 т.	8 —	11 —
Вельямовичъ. Психологическ. основанія Эстетики . . .	2 —	2 75
Гербель. Русскіе поэты	3 —	4 —
Нѣмецкіе поэты	3 —	4 —
Гоголь. Собраніе сочиненій 5 т.	8 50	13 50
Гончаровъ. Собраніе сочиненій 9 т.	13 50	22 50
Отдѣльно: Фрегатъ Паллада 2 т. 4 р. — 6 р. Обыкновенная		
Исторія 3 р. — 4 р. Обломовъ 2 т. 3 р. 50 к. — 5 р. 50 к. Об-		
рывъ 2 т. 4 р. — 6 р. Четыре очерка 1 р. 50 к. — 2 р. 50 к.		
Грибоѣдовъ, Д. С. Сочиненія подъ ред. Шляпкина 2 т. . .	5 —	7 —
Данилевскій, Г. П. Сочиненія 8 т.	10 —	14 —
Жуковскій, В. Сочиненія 6 т.	9 —	15 —
Кантемиръ, А. Д. Сочиненія, письма и переводы 2 т. . .	4 50	6 50
Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго ¹ / ₁₂ . . .	2 40	5 40
Письма русскаго путешественника ¹ / ₂	1 —	1 50
Кольцовъ, А. Стихотворенія	20	1 —
Костомаровъ. Русская Исторія 3 т.	9 —	12 —
Лермонтовъ, М. Стихотворенія.	1 —	1 75
Макарова. Словари: Французскій и Русскій . . . по	5 —	6 —
Никитинъ, И. С. Сочиненія 2 т.	4 —	5 —
Павловскій. Словари: Нѣмецко-Русскій слов.	8 —	9 —
» » Русско-Нѣмецкій слов.	6 —	7 —
Пушкинъ, А. С. Собраніе сочиненій подъ ред. Ефремова. .	3 —	7 —
Собраніе сочиненій изд. Павленкова (3 р. 50 к.). . .	1 50	3 —
Тоже, иллюстрированный (4 р. 50 к.).	2 50	3 50
Собраніе переводовъ иностранныхъ авторовъ	1 —	1 50
Толстой, А. Н. Собраніе сочиненій ¹ / ₄	7 —	10 —
Отд.: Князь Серебряный 1 р. 50 к. — 2 р. 50 к. Драматич.		
Трилогія 2 р. 50 к. — 3 р. 50 к. Стихотворенія ¹ / ₂ 3 р. — 4 р.		
Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій ¹ / ₁₂	8 —	14 —
Война и Миръ ¹ / ₃ 4 р. 50 к. — 7 р. 50 к. Дѣтство — Отрочество		
1 р., 1 р. 75 к. Севастопольскіе рассказы 1 р. 50 к., 2 р. 25 к.		
Тургеневъ, И. С. Собраніе сочиненій ¹ / ₁₀	15 —	25 —
Отдѣльно: Записки охотника	1 50	2 50
Фонъ-Визинъ. Сочиненія.	4 —	5 —
Хемницеръ. Сочиненія и письма	1 50	2 50
Шекспиръ. Сочиненія 3 т.	12 —	15 —
Шиллеръ. Сочиненія 3 т.	7 —	10 —